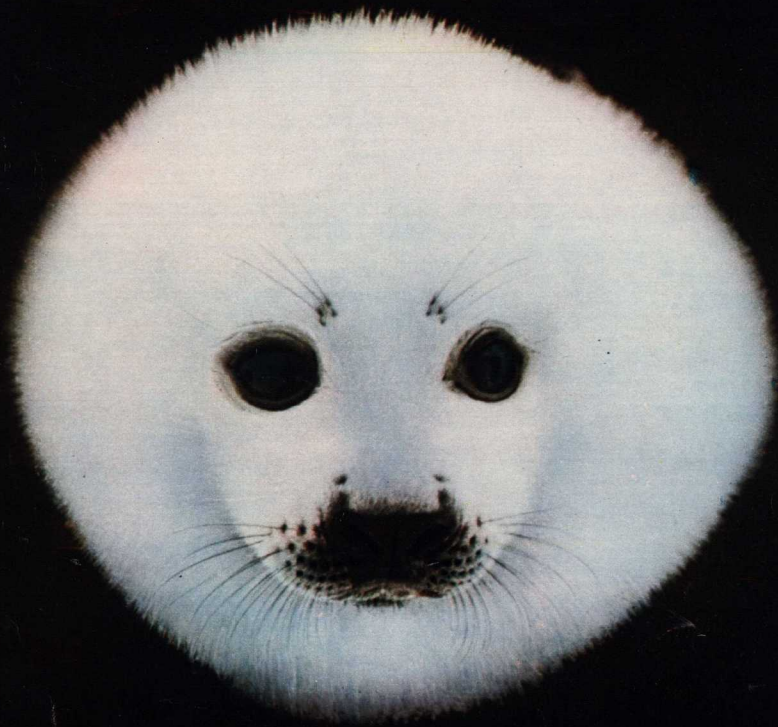

ЧЕЛОВЕК ОХРАНЯЕТ ПРИРОДУ

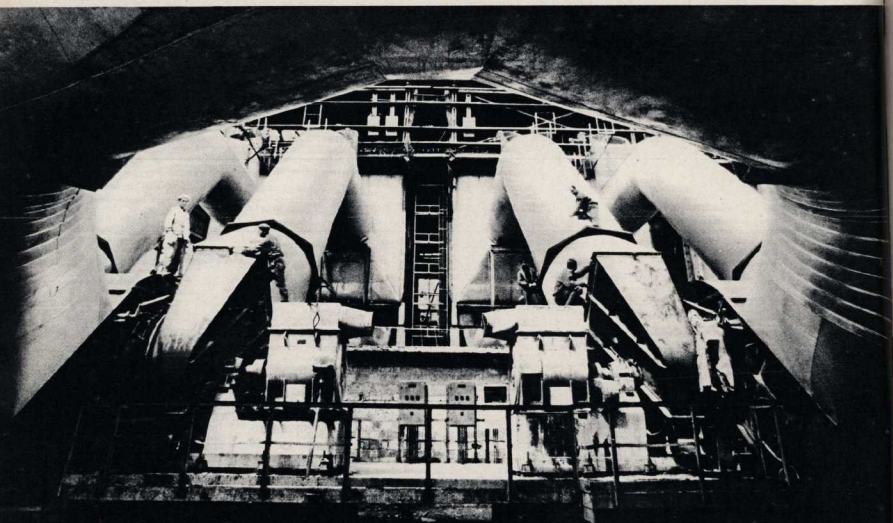

№ 22 НОЯБРЬ 1970

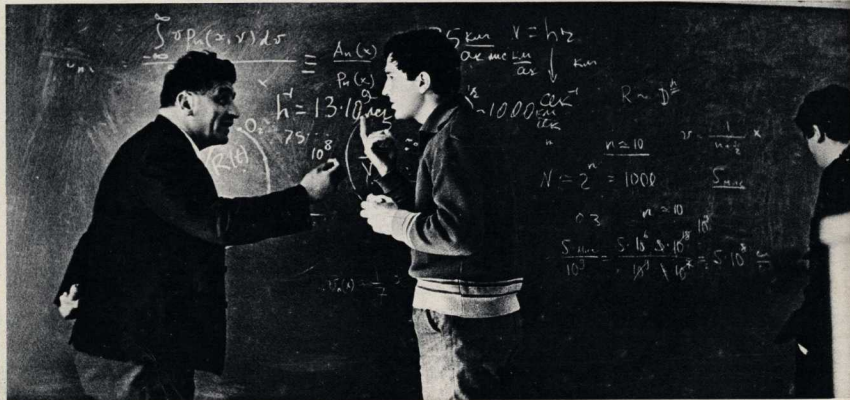
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

50 ЛЕТ

Рождено пылливой мыслью, проверено наукой, построено рабочими руками...

ИСТОРИЯ, ДОЛЖЕННАЯ ПОЛЫВЕКОМ

Пролетарии всех стран, соединитесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 22 [1044]
НОЯБРЬ
1970

Ишла обложка: гренландская
травля — богатство северных мо-
рей.

Фото Геннадия КОПОВОСА

История и репортаж об охоте на
водо-птиц на страницах 16-21

6 ОЧЕРК О БЕТОНЩИКЕ ИЗ
АМУРСКА.

12 ВСЕВЛАСТЕ ХИМИИ.
Послесловие к междуна-
родной выставке «Химия-
70».

22 «СИЛУЭТЫ» — НОВАЯ РУБ-
РИКА «СМЕНЫ».
Статья Льва ОЗЕРОВА
«ПУШКИ И МЫ».

28 ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ
ПАВЛА ШЕСТАКОВА «ОТ-
ПУСК В ДАГЕЗАНЕ».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСТАЛЬ»

ЮРИЙ ТРИФОНОВ.
МОНГОЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

РАССКАЗ О МОЛОДЫХ МАСТЕРАХ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО,
ЧЬЕ ТВОРЧЕСТВО ПОСВЯЩЕНО КОМСОМОЛУ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ Г. М. Гусов, Е. А. Долматовский, К. Н. Земоскин,
Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответ-
ственный редактор], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора],
Е. И. Рязанов, Г. В. Семанов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный
художник]

Художник Г. С. Терзибашьянц, Технический редактор Н. И. Будкина.

Армения. Три тысячи лет ее истории... Как в калейдо-
скопе, войны сменяются войнами. Толпучу плодород-
ные земли Армении и рушат ее храмы персы, пол-
чища Македонского, римские легионы, арабские
скакуны и орды Тимура, сверкают турецкие ятаганы...

Казалось бы, народ должен погибнуть. Но рядом была Русь.
В трудные годы она не раз протягивала руку помощи Арме-
нии, заслоняла ее от постоянной опасности физического истреб-
ления. Но и это еще предистория. В «торные народы», чем бы-
ла царская Россия и для армян, трудовой люд уже разучивал
первые такты «Интернационала», собирал лучших сынов и доче-
рей в пролетарскую партию...

Маркс называл революции «локомотивами истории». Путь,
пройденный республикой за пятьдесят лет, еще раз подтверждает
правоту его слов. Он отмечен такими вехами, которые говорят
о богатейшей поступи армянского народа.

Когда комсомольцы Армении в двадцатых годах по призыву
партии начали строить Дзоргазс, потом взяли шефство над
электрификацией республики, они видели уже тогда каскад се-
ванских гидростроений, Ильичеву лампочку в крестьянских избах,
мощные моторы, которые приведут в действие тысячи стан-
ков. Они не думали о том, что совершают подвиг, хотя за участие
в электрификации армянский комсомолец в 1932 году был удостоен
ордена Трудового Красного Знамени Закавказской Федера-
ции. Они работали и, работая, мечтали. Но даже самому отчаян-
ному фантазеру не пришло бы в голову утверждать, что спустя
50 лет их республика будет производить электроэнергию почти в
три раза больше, чем ее давала вся дореволюционная Россия.

Можно привести бесконечное множество фактов, цифр, сви-
детельствующих об огромных успехах республики во всех отрас-
лях народного хозяйства. Теперь то и дело можно встретить за
рубежом сложнейшие машины и оборудование, сделанные в Ар-
мении. В семьдесят стран мира вывозит республика свои про-
мышленные изделия. В сто восемьдесят раз вырос объем про-
мышленного производства.

Но история свидетельствует, что величие каждой эпохи обус-
лавливается в жизни нации не только техническим прогрессом,
но и духовно-нравственным потенциалом.

Возьмем только науку. Более чем в 100 научно-исследова-
тельских учреждениях работают 11 тысяч 600 научных работни-
ков. Широкий диапазон их поиска — от разгадки тайн земных недр

до изучения небесных тел и процессов в галактиках и в космическом пространстве.

Совету молодых ученых при ЦК комсомола республики с каждым годом прибавляется работы—растут ряды молодых ученых. Три научных конференции провел за последние годы только комсомол. Грамотность, образование стали в сегодняшней Армении всеобщим достоянием.

История—это тоже дорога. Только соединяет она не города и страны, а бесконечно сменяющиеся поколения. Молодежь Армении вписывает свежие строки в древнюю историю республики,

Неповторим Ереван. Его дома, одетые в розовый туф, утопают в зелени.

Миллионы лет этим седым горам

которая по экономическим и культурным показателям опередила многие высокоразвитые капиталистические страны.

Все это — результат объединения трудовых усилий братских республик Страны Советов и их подлинно дружеской взаимопомощи.

Юбилей Армении и ее Коммунистической партии — праздник всех народов Советского Союза. Советская молодежь от души говорит:

**«С праздником, Армения!
Новых успехов тебе, республика!»**

рассеченным стрелительными линиями новых дорог.

Фото Василия МИШИНА,
Исаака ТУНКЕЛЯ,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Энергию солнца — на службу человеку.

В ЛЮБВИ СЫНОВНЕЙ ОБЪЯСНЯЮСЬ

АМО САГИЯН

✻

Журчит, журчит по взгорью
Чуть видный ручеек.
Течет, течет и вскорю
Вливается в поток.
Поток, с камнями споря,
Белеет и рава, широк.
Река стремится к морю,
И путь ее далек.
Кто помнит тот на взгорье
Далюю ручеек!
Но горе, если море
Забудет свой исток.

✻

Я помню: осеню пожар
По склонам вьется вась.
Горит его холодный жар.
Как от огня спастись!
А что спастись от него,
Когда не жмет он ниного!
Не страшен он и мне,
Но годы детства моего
Сгорают в том огне.

ГЯЗБЕЛ

И снова устремлюсь я в вышину
Дышать снегами моего Гязбела.
Омою руки в туче и вздремлю
Под обильем моего Гязбела.
Я поднимусь отвесною тропой,
Я опьянюсь небесной высотой,
Мне тень подарит белая скала,
И мерой собственного дождюнья
Измерю я величие орла,
И мощь его, и высоту паренья.
И снова в снег зарююсь, словно в мех,
И все, что было черно, станет бело.
Потом спущусь я и оплачу всех
Тех, у кого нет своего Гязбела.

ПЕРЕПЕЛА

Вы, перепела мои,
Дали мне крыла свои,
Чтобы вась и я взлетал,
Чтобы мне слагать сказанья,
Сокращая расстоянья.
Су небес до наших скал.
Даже ночью мы взлетали,
Звезды, как зерно, клевали,
В полдень над коврами трав
Мы кружили и парили,
Землю песнями дарили,
В клювах радуго зажав.
Высь взмывала наша стая,
В аснии взглядах отражась
Звезда ночи, красны дни,
Если вы не перебиты,
О птенцы Лоравонта,
Как вал ямне без меня!

ТЫ ИДЕШЬ, ТВОЙ ПУТЬ НЕПОВТОРИМ...

Со своим талантом безъязыким,
Со своим величием невыдумным,
С добротой суровой в час прозренья,
Со своей немовой точкой зренья,
С жизнью пройденной, но слухом слышимой
Со своей крестьянскою повадкой,
Со своей извечною любовью,
Со своею кротостью волювей,
Кем-то признан, кем-то нелюбим,
Ты идешь, твой путь неповторим.

✻

О время, пожалей меня,
Верни, благо сделай дело,
Хоть редкий дым того огня,
Которым изподотсе горела.
Ниль от моих градущих дней
Даруй мне малую частичку —
Хоть дальний облеск тех огней,
Что будут для меня светиться.
Всеславно в мире только ты,
И лишь твоей подластия длани
И облака моей мечты
И пропасти воспоминаний.

ИСТОРИИ МОЕЙ ПОЛВЕКА

Вена словами нас топтали,
и не был ни один без войны.
В нас человека убивали
и стралявали меж собой.
Но войны тоже устаивали...
И вновь тогда, бери отпас,
мы туф из недр доставали,
трам возводили до небес,
чтоб уверечь там душу свято,
когда судьба пошлет набег...
Но под пятою суровости
мыныя остался человек.
Тот армянин, который строил
не только храм и смену дом,
то, что надеждой выноил, стоил...
А вечно повторялся в нем.

Он мне доверил это право —
за нашу землю отстоять.
Игра судьбы была без правил,
но даже горе и печаль
вскормили в нас ту жажду битвы,
в которой дух наш победил... —
сегодня песни, не молитвы
нам придают для жизни сил.

За все историко — полвека,
а то и меньше знали мир,
но жили в нас стихи Нарека¹,
и дух наш не был нем и сир.

¹ Г. Нарекани — великий армянский поэт X века.

И вновь — полвека. Но за эти
годы, что прожил мой народ,
явились к новой жизни дари,
мечтам которых так везет!
И это счастье сознавая,
они держат и творят!
Ахтеп! Земля родная
хранит нас все вена подрад.
Она лозе дарует сок,
чтоб сладким вырос виноград.
А нам дала свой дух высокой —
достойнейшую из наград.
Твой каждый камень — это веха
на историческом пути.
Твоя советских полвека
я помалось несую в груди.

Видел я, как буфвол возвращается
через много-много лет назад.
Где его истинных размещают,
его запомним глаза!

Видел я, как лошадь возвращается,
остается в проданных оца,
у которой крепость совмещается
с мураторнм предпочтением коцца.

Видел я — собака возвращается
в старый дом — на радость ниб^{буд!}
Человек с чужбинным прощается
у тоски своей на поводу.

Людвиг ДУРАН

Я слушаю ветер, был рассвет, я обратился в слух,
и мне послышалось — в горах зовут ягит пастух,
и вспоминаю детство в свое, как дальнюю страну.
...С мохх уже седых волос сдул ветер седуну.

Я слушаю ветер, словно весть, и на исходе дня
попсышалось с полем риваных риване воля,
и вспоминаю юность я свое, как раннюю вису.
...С мохх уже седых волос сдул ветер седуну.

Я слушаю ветер, и печаль моя была легка,
шуршавше нам донеслось ко мне издалека,
и вспоминаю первую любовь, которой не верну.
...С мохх уже седых волос сдул ветер седуну.

Я слушаю ветер, он меня неожиданно опалил:
он пыль священную принес с родительских могил.
С мохх уже седых волос он седуну сдувал.
...И на горе библейской снег сильнее завершал.

Ваагн КАРЕНЦ

Я за мечты мои у вас в долгу,
утесы, в трещинах от жара,
тропа, багряная манисоме,
у вас, ягнаты, что в пыли дорог
отбилсь от отары.

Я за мечты мои у вас в долгу.

Я за мечты мои у вас в долгу,
колосья и цветы полей родных,
и древние легенды и баллады,
и ставшие легендою крылатой
облаком упрямой крепостных,
я за мечты мои у вас в долгу.

Я за мечты мои у вас в долгу,
туманы белые над чистыми холмами,
орляный клевет утренной реки,

сдвядице под старыми дубами
добрейшие седые ствирни,
я за мечты мои у вас в долгу.

Я за мечты мои у вас в долгу,
рассветы в страшном зареве огня,
и песни тихие, что больше не спюот
товарищи, погибшие в бою...
Птенцы, что улетели от меня,
я за мечты мои у вас в долгу.

Я за мечты мои у вас в долгу,
цветы несуществующего сада,
канки я не встречал в садах чужих,
и девушин в объятиях друзей,
что были мне восторгом и отрадой...
Я за мечты мои у вас в долгу.

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Водосточные трубы...
Полуденный час...
Летний зной мои губы
обжигает, как вас.

Перезачено горло,
небо — дна не видать.
Нам бы тучку прогрозилую
на двоих отсыкати!

Водосточные трубы,
как я чувствую вас!
Нас порой небо любит,
гонит тучи подчас.

И деревья колыха,
тучи с треском идут

и на красивые крыши
рушат дождь, как бурю.

И когда вам по горло
это море стоит,
пыете воду покорно,
хоть и горло боится.

Водосточные трубы,
не вперед ли помышлять,
как бывает вам трудню
временами молчать!

Водосточные трубы...
Перезачено губы...

Мне кажется, я в чем-то виноват
перед цветами, рано ушедшимым,
и журавлями улетавшимым,
что надо мной сейчас кричат.

Быть может, от небезнотности моей
заглод родник, неизменный и чистый!
И по ночам меня терзуют мысли
о судьбах градом выбитых полей.

Мне кажется, я грешен перед той
женщиной, оставшейся без мужа,
которая по жонке долго кружит,
не находя любви своей святой.

Все кажется, я чем-то нагрешил
под этии оллаждающимися небом...
В чем виноват пред женщиной, пред
хлебом,
чего себя, чего другиа лишил!

Перевел с армянского Петр ВЕГИН, Наум ГРЕБНЕВ, Сергей МНАЦАКАНЯН

Манук КАРАПЕТЯН

Безмялвые гор разбудит гром,
звывая камни вемь посюду...
Так человецеску трудом
на свете создается чудой!

Пыль замирает в столбичке,
грохочут взрывы на просторе,
и люди шепчут адалеке:
«В Арменки родилось море!»

Твердилась камня раздалась,
Раздан вошел в канал с разбега,
и вспыхнул свет в глубинах глас
и осветил глубины вемь...

Арменки, мне не хватает слов,
чтобы в любви сыновней объяснитьсь,—
лине дорог дым крестьянских очагов,
что над землейю милою струится...
Люблю высокой взлет легачи твоя:
он нынче воплощен в трудах упорных...
Люблю внимать, что шепчет мне родник,
сливаясь с шумом водопадов горных.
Люблю простору молодых садов
и топлелей с ветрами разговору.
Мне кажется, что думы всех веков
хранят твои дороги, камин, горы...
В долине Арагата поутру,
пустые егюргичина отброся,

РОДИНА

бесчисленные зерна соберу,
перебирая тысячи колосьев!
Мне и Арагату древнему не лень
притий с поклоном,
он меня услышит...
Здесь голубое небо целый день
высокогорным цветом дышит.
И я люблю ущелья глубиную,
о чем-то говорящий туманнй воздух.
Люблю Севан, где ночь идет по дну:
дрожат в воде потоки ливней звезднй!

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Первый раз мы встретились на крыше антикоррозионного цеха, куда вели шаткие лесенки, напоминающие трап... в урагане синевы, солнца и ветра. Бетонщики сидели кружком, но на шатке, и на сплечах. Они одинаково улыбались, шурша на солнце из-под одинаковых козырьков. Я выбрала усталую, курящую голову, наполненную скрупулою тысяч отливок. Вышел был только маленький, пассивный подбородок, вильял рот и довольно правый нос. Но когда парень поднял голову, весь словно переместился вниз, зачернува всю нижнюю часть лица. Голова расширилась и удерживала наверху достигающую полной выработки убу. Портрет дополнила глаза — очень большие, серые и пристальные. Несколько секунд мы разглядывали друг друга. Потом Саша встал и нехотко отпустил мою руку, в край ласковой бетонной крыши. Мы улыбнулись и встретились.

В пять я была в квартире Реутовых на проспекте Мира и слышала, как кто-то плясает под ирландию. Мы вскоре попали чаю и пошли в мастерскую: из-за аварии отключили электричество, а день догорал. В разовом отсвете зари золотистые чумчурки и «доски». Саша молча ставил их на верстак, чтобы было видно. Потом долго сидели молча, а Саша вставал и делал шаг, оплетя же молча. Проводя линию в гостиницу, Саша вдруг попросил подождать его, забежал домой и вышел чистые клеенчатые тетради. Слово заменился за молчанье, он протянул их мне.

Утром по окнам гостиницы клеятся щедрый листвен. Я села к столу и не без колебания открыла первую тетрадь. «Жолочка и пушки. 1960—62 гг.» выведено было коряво и старательно. Это не был

теплого соплени. Их гипнотизировал загадочный, ни на что не похожий мир.

В одиннадцатый Саша проводил меня на последний автобус Амурск — Комсомольск. Он скавал дождем в неизменном своем туземце пиджачнике, в котором работал и ходил в гости, в стальных башмаках и выгоревшей пелке-восемилкилке, тоже будто спотыканной. С митого козырька лицо на защитную, потупованную рубашку. Было холодно, как перед снегом, но Саша не ежился, и корявая его ладонь, пожимая на прощание мою руку, была теплой. Я вошла в автобус, а Саша растормозился в ночь, шумевшая по крышам, журавли с асфальту и не прикрытой асфальтом земле.

Вот и все. Но прокладывает неделя, а штрихи этой встречи не стираются из памяти, даже напротив: образы становятся яснее. И это странно, ведь Саша ничего мне толком не рассказал. Он был уверен, что внешние обстоятельства жизни — лишь оболочка, по которой нельзя ни о чем судить. Он хотел, чтобы судили не я, а его оплывающий, ажурный и чумчурный. Наверное, он был прав.

***

Саше Реутову тридцать лет. Первая треть его жизни прошла в Удинских Кавказках, как на столбовой дорожке от Сретинска на Нерчинский завод. Суровый, грубый присик у Шиньки. Золото, охота, таежка. Легко обжилось, легко ушло в тайгу, к Нерчинску, в море. Саша рано прирастался к охоте. Любил слушать безбрежные, тихие пространства, а в них — себя. Натрусы — расквашенная, всплывающая зрелость самосознания, он, разумеется, не подзревал, что именно часы одиночества навсегда определяют его судьбу.

Второе десятилетие было встречей с работой. Ставшееся со школой в шестом классе, Саша

блуждал протравой утомленной бессмысленности рока. «Что ступет на судьбу, то ступет на себя». «Чем раньше задаться вопросом, для чего жить, тем больше шансов майт на него ответить».

Однажды Саша увидел рисунок Роквула Канта в книге «Это я, о господи!». Обнаженный человек прострап кару к небу, как бы молча даровать ему язык — говорит людям. В напряжении до судорог мускулы лица говорят: рождение и муча поведенной немоты. В ту ночь Саша написал свои первые стихи.

Стихи его нравились забойщикам, но покоя они не принесли. Запечатана, клопоглазие внутри, не желая перелазить в глаза. Слова слагались в бедные мозаики, как в разрозненном детском калейдоскопе. Возможно, происходило это потому, что в элоинном плодородии Урманы он чувствовал себя. Саша расстался и уехал в Мурманск. Там нужны были рабочие в геологические партии. В величавом безмолвии тундры лучше думать. Жизнь была неопределенной, а краски свежими. Одно время даже полагали, вот-вот вырвется торжествующий крик: «Это я!» И все услышат. Но кричать было не о чем. Море оставалось непонятным и непознанным. Едва дождался отпуску Саша сел на величавые и, когда последние дни Мурманска скривился за поворотом, с радостью поехал, что прогревая солнцем земля открыта для него навсегда.

Потом была Чита. Чуть теплее осень, барбарис облетел, только осень Забайкалья. Она рухнула из холодного неба потоком золота и синевы. Пора было переодеться и собраться с мыслями. Земля открылась ему, как Колумбу — доверчивому и неопытному. Он встретил великое множество людей, видел рассветные горы, неоглядные реки, бетонные города. «Нужно каждому придумать свою Одиссею, чтобы не потеряться в однообразии», «В путешествии человек приобретает высокую самостоятельность и быть всем, от ресо-

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

дневник, это были и в самом деле «аформизмы», как называл их Саша — торжественные и достаточно категоричные. Я стала читать с тоскливым недоумением, спотыкаясь об орфографические ошибки. Потом медленно усневувалась и выписала одну забавную мысль. Потом еще и еще.

«Время проходит через человека. Нет жизни — нет времени. Только жизнь ощущает время». «До последнего вздоха — действительность». «Мечта — долг, который исполняет человек».

Не знаю, как рождались эти «аформизмы». Возможно, под влиянием кино, но чаще, видно, как что размышлений. Меня волновало другое. Несомненно было, что для автора это не проба пера, а руководство к действию. Год от года он прокладывая свой жизненный курс с упорством штурмана, идущего к зелье обветоривания. Пожалуй, это все-таки был дневник. Ведь писал же Торо: мысли — истинные тельца нашей жизни, все остальное — лишь память о ветрах, что веяли, пока мы были здесь. «Струны настроивают», — писал Саша, — что касается жизни, ее надо стронить». «Есть видны: толик в своем убеждении, стой на своем — все барьеры преодолены». «Откровенность — высшая степень совести». «Отжаться есть волости, вполнере, вполнустав».

«К вечеру дома не утик. Я брела, снуя руки в карманы куртки и опустив на глаза стекло. Под ногой был прозрачный, как жидкое стекло, слой воды. Если смотреть только под ноги, казалось, тротуар пошел наветрону. Внутренний волнистый металл. Пустые газоны разбухли. Павло весной, когда в лужах тусклыми самородками лежала осень. Амурск был красивым, и я радывалась за Сашу. Мысли, все душевная погода слишком тесно связаны с местом, где живешь».

Саша рубил «мургура» из высокой, выше его око. Он брал долото и стучал по нему молотком. В око, ничем не зашатаенное, смотрели мальчишки. Они приходили каждый вечер. Иногда Саша пускал их, показывая старые якоря, найденные божком и свои «доски». Мальчишки важи-

научили сплестить, лить бетон, плотничать и водить бульдозер. Радиус его подвижности оставался в пределах детских симпатий: сопки, тайга, большая вода. Горный Зерентуй, Нерчинск, Сретинск, Наволада. Те же суеверные симбирские лица с глубокими, не сразу понятными глазами. То же уважение к мужеству и аскетичное равнодушие к ценности жизни: «Федучи нашево надикс медведь надереть». «Но-о!» «Третьего дня поавр». «Без шурры, однако, не поживаться».

Потом Реутов вырубил себя из привычного круга, как бросает кутена в омут: выплывает или нет? Шаты Дюбася, Колыский полюстрок, Забайкалье, наконец, Амурск. «Человек должен осмыслить свое присутствие на земле и поверить в высокий смысл жизни, находя лучшие ее варианты». Саша искал свой, единственный вариант. Это было одиночество его Натрусы — расквашенные в дименции. Есть такой род людей, что оберегают внутреннюю свободу лишь в предельном напряжении сил.

Первая клеенчатая тетрадь появилась еще в Дюбасе. Сначала руки от угольного пыла, Саша зажимал в горсти тонкую ученическую ручку и, не попадая на линейки, старательно и крупно записывал мысли, зановоизме мозг. Соседи по общежитию поговаривали над ним, но беззлобно. Они видели Реутова в работе и не могли поверить, чтобы такой иланный забойщик мог заниматься совсем чуждой.

Дюбасцы были поставлены на баскомоничность. Подулы за старым террикормом, теркий хмель свадрыбы, детижки, работа — словом, полная чаша. И... однажды درس расплещется. Об этом думал шахтер Реутов, выныгавая с приятиями под утренними звездами со снами. И тогда же безбрежно тагиз. «Жизнь — лишь всплеск волны, что гасится вечностью берегов». И тут же всей силой молодости

рубил до позтан. Проезав больше семи тысяч километров, Саша не без удивления открыл, что люди делятся на собственно людей и дураков. Слово «дурак» в его понятии не было чем-то преобретательным или чем-либо гуртовальным. Так он обозначал образ жизни, или непонятный и, по видимому, неинтересный. Дураки не хотели придумать Одиссею. Они ощущали жизнь как естественное состояние живых, подобно жидкому или газообразному у неживых».

И еще он понял: каждый приходит к мир со своим «я», неповторимым и потому бесценным. Но далеко не каждому удается крикнуть: «Это я!» — чтобы все услышали и поверили.

«Во мнгое надо не верить, но веру в себя долото иметь каждый». «Самостоятельность — лучший документ человека».

Он обжился под-Росси, устал, был счастлива, трусил, побеждал свой страх. Виденное и переучествованное налловствилось в душе שלו за словом. «Человек — аккумулятор мысли и энергии», — записывал Саша. — Весь свой заряд он должен отдавать новому дивенению. И вот однажды, задрав в небо чужд экскаватора, он всю уволю картинку. Она светилась, как окошко в прекрасной, пронизанной солнцем и ветром мир. Саша вода билась о замшелый гранит. В вершухах береза стнула утренный ветер. После работы Саша купил в культурмае коробку дешевой ажурели и остроносу детскую кисточку. В обжечивании, тщательно сметая с кисточки крем и заветренный рыбий скелет, он отодрал от разбитого окна светлый чехрыкугольный картон и сел рисовать. Сначала была пуста и усталость. Потом картина снова заветилась в голове. «Невада, задолото, ветер. Саша видел, что отключило, это сердце колотилось о край стола. Немного поработав кисточкой, и синева перелазила на картон, ставил легче. Но неуклонная, жесткая птерия, настоящая адевальная ладонь. Безбрежно тагиз, безбрежно тагиз, синеватое пятно пыляло на картон — золотушный облеск логора, полаяющаяся в голове. Под утро,

рел на снежную бесконечность, то чокнен на завалявшемся снегом скамейке посреди пустынного Угрюмовского бульвара. К чему его, молгушатавшего, с трудом отыскал Горбунов. Отнятая Сашу крепким чаем, он говорил об успехе. Он принес с собой книгу отзывов. Люди писали хорошие. Один — прияца Реутова на веру. Другой — угаяла Горбунова искренность его угаятия, откровенный. «Образы будут ходить за мной и даже нитаться — преподавать институту культуры. «Реутов» это здорово. И вечней бой, покоя нам только снится...» — студента, «Искренне восхищен талантом А. А. Реутова». Это действительно художник, «богом данных», человек нового типа, такими людьми можно гордиться» — профессор Разумный.

Однако и Саша и Горбунов понимали, что к подлинной красоте еще мать и папа. О своей взрослой известности Саша старался не думать. С рассветом он шел через дорожку, по ритмичным развороченному строительством поля и новым корпусам комбината складывались отпугоби в залежку в инт бетон. На исходе дня возвращаясь, долго тер пеловой ладони и, перехвачив чего-нибудь на ходу, бежал в мастерскую. Иногда по пути из садика к нему заходили Верса с Женячка. Жена стояла в коридорчике, прислонясь плечом к стене, и смотрела, как радостно высобуждает Саша из дерева смеющийся глаз, уголок рта. Женячка наклонялась на стружки, молоток, стамеску. Казалось, они оба ищут — большой и малюхенькой. В Саше сколько угодно осталось детской веселости и наивной доверчивости. Взрослые заботы не волновали его — мебель, одежда, деньги. Правда, иногда ему хотелось казаться зитрым, оборотистым парнем, которому палец в рот не кладут. Но это было по-детски заметно и несерьезно. Только дважды за десять лет Саша пожелал о денгах: «Жизнь — паруса, а денги — ветер» и «Денги — погода жизни. Видно, куда-то ветер поветил, а билет оказался не по карману. Впрочем, этими афоризмами в отличие от других он никогда не пользовался в действии. А действие — основа реутовского искусства.

Саша — член Гомани комсомола, ведет фотолетопись Амурска, печатается в газете, составляет краеведческий музей. «Повстать себя мелочам общественной жизни — служить идеям большого размаха».

И Саша был счастлива. Радовался он, как мальчишка, и своей выставке в училище строителей. И две любимые гранитки с благодарностями вручил библиотеке. Не для себя ставил! Впрочем, как не для себя? И для себя тоже. «Настоящий человек — борец и деятель, отвечающий за все — от человека до времени». Саша вырезал на двенадцати досках «Амурскую историю» — на прижонной, страстной, восторженной в дереве. Скорее это не повесть, а поэма. Композиции досок ритмичны, цвет то красный, тревожный, то радостно-золотистый, навевая, как ямб. От немногого разговор двух новоселов, вдруг поникших, что любовь их и душевная близость — описка. Да грандиозного монтажа кислотных точек — двух стремительных, драматичных вертикалей.

Это рассказ о духовном очищении, который приносит труд. О совести. О доброте. «Обе прижонные свои руки тынешь за поясом, руки обвяжутся будут могучими». «Быть честным — первый долг человека». «Суди и действуй справедливо. Не будешь укорять себя за то, что в мире живи труселою, боясь толпая за себя». «Утверждение, что богуется, однообразно извещая, плохо верста». «Уважение к своей работе — высшая степень материальства».

Реутов не просто рисует — он щедро делится своим открытым миром, мыслями, высеченными в инкориде ночей. И потому грубость его работ не оскорбляет, а простота не опускается до примитивности. У Саша есть отличная доска «Бессоница». Причудливо среза листы разветвленной корягой — поставлен на ребро. С него воспаленными, плывущими глазами смотрит красное-черное зрадующее лицо. «Засынешь — прохронись ли заснуть? Успевая, успею, успею заснуть. Эти цвепонять! Стрессеи, успехеи, успеюи, успеюи, успеюи. В муках бессоницы рождаются истина, зреть решение. Только потом придет смежность сия и Реутовский пробыждения. На обороте доски Реутов рисует ясное лицо решающего человека. Страстный призыва мыслить, иити, мунчиться своей ответственностью захватывать и потрясать.

Кив-то Саша написала в дневник больше стиха: «Сказало тэу я смотрел на пляшущую огонки. Мне думалось: когда потужет — жить спать. Но он сиял, как звезда. Там что-то делали люди, им стало плохо. Значит, и мне надо о чем-то думать, что делать... Насильно меня стреляющим мнемом не прижнмается: «Не было дня, чтобы ты не хотел спать».

В тот вечер, о чем Толяк увидал отца, встречая его у завода, он сразу понял, что произошла какая-то важная перемена. Что-то случилось. Отец шел размашисто, широко и голошу прямо держал и не ступался совсем, как обычно, а увидав Толяка, ему не улыбался, кивнула только, как взрасуюку, обихая его за плечо, и они быстро пошли к дому.

У порога их встретила мама уже с тазиком в руках. Отец решительно снял пальто, окунул руки в воду и стал медленно намывывать ей, медленно-медленно, будто собираясь с мыслями. Толяк приглядывался к нему, отчего-то волновался, и то, что отец, возложидо строматильной и резкой сегодня, вдруг снова стал вальяж и тихий, бросился в глаза. Толяк внимательно смотрел, как отец, пытаясь прополоскать руки, медленно вытер их, потом, вынул полотенце, не спеша шагнул к стулу и вдруг позвал громко и требовательно: — Мама!

Сердце у Толяка колыхнулось. Мама подошла а отцу, улыбалась, все никак не нарядилась домашнему покою и порядку.

Отец стоя спиной к Толяку, его лицо не было видно, во по спине, ступавшейсь больше, чем обычно, по тому, как решительно и тревожно позвал отца маму. Толяк понял, что сейчас опять будет что-то тяжелое, и напрялся, как струна, сжался в комочек, глядя на бабку и маму.

Бабка и мама смотрели на отца, усевшись за стою, а Толяк хороню видал их лица. Они походили на зорькля, в которых отражались отец. Пончувствие, как и Толяк, тревогу и волнение и его голоса. Бабка напряглась тоже, но напряжение ее было другое, не как у Толяка. Она стала словно каменной, лицо ее теперь походило на маску — есть такие маски, их в Новый год наплаивают, только там все маски снимают — у всех на лицах застывшийся смех; — а тут маска была мрачная, и еще на ней изображалась неизменяемость. Мол, чего там ни говори, а я все лучше тебе знаю. Все анду, последнее слово за мной!

Мама же, нет, — она теперь улыбовалась, ее лицо издрагивало, ждало. — Мама, — сказала отец. — Я получаю зарплату.

Он сунул руку в карман и вынул два денга.

У Толяка отлегло немного, он подумал, что отец волновался из-за этого, ведь он первый раз на новом месте зарплату получал. Другую бабкина маска, расплылась не в улыбку, а в какой-то неясной гримасе владухнула мама.

Здесь, конечно, побольше, — сказала отец, — чем было раньше. — Но я... Он не договорила, будто поинтересуся. Толяк видел, как скимался и разжмался его кулак, с силой и христом. Отец пронапался и начал снова. — Но я сразу тебе, — сказала она, — хозиничать денгами своей.

Толяк увидала, как не успев снова стать независимой, притворила рот баба Шура, как медленно поблбавляла маму. Да, наверное, есмь гадать со стороны, и у самого Толяку вытнулось от удивления лицо. Еще бы, отец сказал таконуту так, прямо — революция в их семейных делах!

— Да, да, — сказал отец, переступая с ноги на ногу. — И не падо так смотреть на меня, Александар Васильевич. В конце концов мы работаем оба... И выемее право.

Отец волновался и не договаривала слова.

Бабка, спохватившись, захлопнула рот, поджала губки и отстояла все в одну точку, но тут же раздумала и снова шагаладела на отца, словно все никак поверить не могла, как это он такое пронаос.

— Да и вообще, — сказала отец, возложидо перестав волноваться, — Да и вообще, для чего же денги зарабатывать, если их не тратит? Куда копнть?

Отец, когда говорила, любил по комидате ходить, курить любил, гоня за собой облава дыма, а сейчас стою спокойно и торюна сплюнели, уверено. — Вот купишь Толяку какую-нибудь обувь, — говорила отец рассудительно, — тебе пора пальто спратель, у меня костюм уже пообносился. Никого не забуди! А Александар Васильевичеу жосте!

Отец взглянула на бабку, и Толяк даже подскокила. Бабка заверецалась, будто ее режут.

— Тоже! — закричала она. — Тоже? Это как же так тоже? Да ты кто такой тут командовать? Ты у меня живешь или я у тебя, извещидеи проакать!

Крича, бабка поднималась со стула и бежала вокруг отца, размазывая кулакми. Толяк подумала, отец опять сейчас оденется, хлопнет дверью и, когда вернется вольше, от него будут пахнуть вином. Но он не сдвинувшись с места и на бабку, возле него бегающею, не взглянул, будто ее и не было.

— Ну, так что, Мама? — тихо спросил она. — Долго еще это терпеть будешь? — Он кивнула на бабку, будто на самовар какой-нибудь, на недоуслешенный, и обиден, промаем, — Долго!

Мама, побелев, как полотенце, медленно поднялась и заморгала.

— Нет, нет, Петя! — зашептала она, задышавшись. — Я не могу.

Отец опустила голову, и Толяку показало, он опять не выдержит этого,

Рисунок
Геннадия ШЕВАРСКОГО

слышится снова, и бабушка, как прежде, будет править домом — всегда и всем. Толик напрягся весь, как бы помогая отцу не уступить, радуясь, что он сегодня такой решительный и резкий, и отец будто услышал его.

— Неаля, — сказала она, не обращая внимания на мамнины слезы. — Нет, Маша, так больше нельзя.

Мама стояла у стола, глядя то на отца, то на бабу Шуру, растерянно мигая и потирая виски, словно у нее страшно разболелась голова. Бабушка, притихшая было, блеснула глазками, повела носом, будто быстро-быстро высчитала что-то, и завсезнала опять:

— Ну раз так, раз я такая-разная, а вы самостоятельные, съезжайте от меня к чертам собацки! Катитесь к лесам! Живите где хотите! И вадру заплакала.

Толик даже вздрогнул: никогда он не видел, чтоб бабушка плакала. Он уставился на нее. Бабушка Шура стояла к нему лицом, вполоборота к матери и ревела в голос, как бабка, и даже слезы у нее хлынули. Но не поверила ей Толик, не пожалел бабушку, потому что ясно видел, как, на него внимания не обращая, не таясь от Толика, бабушка бросала на маму быстрые взгляды и подымавала все громче и громче, будто бы наставляя на своем.

А мама смотрела на нее, теперь уже только на нее, на свою мать, а на отца не смотрела совсем, и бабушка все прибавляла и прибавляла голосу, вела уже взвлек, и мама не вытерпела, бросилась к ней, взяла опять бабушку за локоток, но бабушка локоток вырвала, словно обиделась на мать и та должна еще попросить у нее прощения и искупить свои козлебания.

Отец повернулся к маме, и Толик слова уловил его глаза. Они были спокойные и решительные, как и тогда, по дороге домой, и сразу было видно, что отец все понял, хоть и не видел бабушкиной симуляции. Понял, что это не правда, а спектакль.

— Ну что ж, — сказала отец маме. — Пойдем. Перебьемся как-нибудь. Глядишь, нет хуже без добра — скорей квартиру дадут. Соберайся!

— Нет! — крикнула мама. — Нет! Нет! Нет! — И опять слезы белыми горошинками покатылись у нее по щекам.

Глаза у отца потуснели, он опустил голову, как раньше, понурился плечи. Но только на секунду.

— Эх, Маша, Маша, — сказала она. — Видно, и не было у нас с тобой ничего хорошего, раз ты так... Пойдем же, перебьемся, не пропадем... Но ведь нельзя так жить! Разве это можно жизнью назвать?

ВСЕВЛАСТНЫЕ ХИМИИ

Послесловие к
международной
выставке «Химия — 70»

Вачеслав ЖВИРБЛИС

Альберт ЛЕХМУС,
Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

Сегодня стал привычным термином «химизация», причем всем известно, что он возник совсем недавно, лет десять — двенадцать назад. Но в действительности этот термин родился еще в 1929 году, когда в нашей стране был создан так называемый «Комитет по химизации», в состав которого входили всемирно известные химики — Бах, Ипатьев, Порай-Кошиц, Флоренский, Тищенко, Бажков, Чинибабин, Ворожцов, Зелинский и многие другие. Программой деятельности этого комитета послужила записка, которую незадолго до этого учение породили Советскому правительству. В этой записке, в частности, говорилось: «Генеральный план хозяйственного развития должен учесть все намеченные пути современной науки, тем самым показывая все большее влияние химии в направлении замены многих механических процессов химико-технологическими в промышленности, в сельской хозяйстве, в области обороны и даже в частном быту».

Вдумайтесь: как следует из слова этой записки, где говорится о замене механических процессов химико-технологическими. Именно эти слова, а не слова о красоте и прелестьности миллионов кофточек и стиральных порошков, наиболее ясно выразили суть тех революционных изменений, которые внесла в жизнь современного человечества химическая наука.

История человеческой цивилизации можно делить на эпохи по-разному. В основу такого деления можно положить используемые материалы. Тогда история разделится на каменный век, бронзовый век, железный век и наш век полимеров. Можно вести счет по наиболее характерным источникам энергии: тогда история разделится на век мускулов, век пара, век электричества и наш век атома.

Но можно предположить и более простое деление — по способам обработки используемых материалов. Тогда перечисления сократятся всего до двух эпох: век механической обработки и век химической технологии. Вторая эпоха и есть наша современная эпоха, когда люди создают нужные им вещи не с помощью топора, молота или резца и даже не с помощью тончайших инструментов, которыми хромой Левша подовал алгицкую блоду, а с помощью сил, управляющих атомами и молекулами.

Забудем на время, что полупроводники — это детище современной химии, разработавшей методы получения вещества необычайной чистоты. Допустим, что полупроводниковый германий мы можем добывать так же, как добываем глину. Но для того, чтобы германий проявил свои полупроводниковые свойства — свойства, чтобы он стал деталью транзисторного приемника или электронно-вычислительной машины, — из него нужно сделать пластинку, плотно прилегающую к подложке определенного химического состава.

Эту пластинку можно сделать, расплавив монохристалл германия. Но такая пластинка не может быть достаточно тонкой (германий хрупок), а чем тоньше пластинка, тем меньше может быть размер детали. Электроник не сегодняшнего дня стремится достичь размеров всех деталей до микронума — до толщины одного атома, потому что тогда только будет создаваться машины, способные по своим размерам и возможностям сравниться с возможностями человеческого мозга.

И вот эту задачу не по силам решить никакому иному методу, кроме химического.

Дело в том, что германий обладает любопытным химическим свойством. Если нагреть его с парами воды, то образуется летучий динитрид этого элемента. А если пары диоксида оксидить, то часть замораживаемого германия выделится на поверхности холодильника, а в то время как другая часть превратится в осадок, точнее — летучее, содержащее вдвое больше атомов германия. Теперь понятно: если в качестве холодильника использовать подложку, которую для того, чтобы в свое время она образовала полупроводниковый

прибор, то в принципе на эту подложку можно нанести сколь угодно толстый слой германия, и тогда не сила толщинной всего лишь в один атом.

Более того, это не метод позволяет создавать тончайшие слои полупроводников. Современная техника уверенные дозы принесет. Поверх тончайшего слоя германия можно нанести другой тончайший слой другого материала — например, сверхпроводящих «бутерброд» ничтожной толщины. А при необходимости пластинка в нужное место можно вырастить тончайшим слоем.

Я намеренно никак разговора о роли химии в жизни современного общества с такого примера, когда в результате такого химического процесса рождается не просто новое химическое соединение — и этому почему-то все трие давно привыкли, — а практически готовое изделие, в данном случае — полупроводниковый прибор. Этот пример позволяет утверждать, что суть химии заключается не просто в изучении веществ и их превращений, а в том, что химия позволяет человеку добраться до превращения желаемого вещества в готовое изделие нужной ему вещи: химия позволяет направлять нужные атомы в нужное время и в нужное место. Эта коварная работа не идет в сравнение ни с какой другой областью созидательной деятельности.

С этой точки зрения любое сознательное химическое превращение представляется высочайшим творческим актом, потому что человек тут выступает как дирижер, управляющий многоголосым хором атомов.

Нет ничего удивительного в том, что сегодня химия все чаще и чаще называют основой цивилизации. Ведь она дает нам власть над веществом, а на свете не ничего такого, что бы не состояло из вещества: мы — один вещество, мы — воздух, мы — вода, мы — пища, мы — все, что нас окружает. Нет ничего удивительного в том, что человек ищет способы наиболее эффективного управления сверхмалыми мирами. А именно химическая технология служит ему самым тонким и самым могущественным инструментом.

Сегодня на земном шаре в искусственные превращения вовлечены многие миллионы тонн вещества, и получаемые при этом продукты окружают нас на каждом шагу: достаточно упомянуть слово «полимеры», и все будет сказано. Впрочем, нужно добавить: иногда о полимерах думают, что они служат дешевой (а значит, и плохим) заменителям хлопна и шерсти, дерева и металла. Нет, дело чаще всего обстоит как раз наоборот: эти полимеры обладают такими замечательными свойствами,

что их не может заменить ни один природный материал. Примеры, иллюстрирующие эту мысль, настолько много, что перечислить их здесь излишне.

Современная техника, современный быт немалым был продукцией современной химии. А что ждет химия других областей знания?

В недавнем прошлом среди ученых была распространена шутка: «Физики работают хорошими методами с плохими веществами, а химики работают плохими методами с хорошими веществами». Хорошие методы — значит, точные методы, а хорошие вещества — это чистые вещества.

Надо сказать, что эта шутка безнадменно устарела: сегодня физики находят дело с хорошими веществами, а химики пользуются хорошими методами. Впрочем, физики по-прежнему стонут с необходимостью получить очень чистое вещество в начале сорочковых годов — когда они прилежно овладевали атомной энергией. Чтобы начать работать атомный реактор, нужны были вещества, содержащие не более миллионной доли процента примесей, а в то время даже самое чистое вещество содержало в тысячу раз больше загрязнений.

Но прежде чем искать способы очистки веществ, химики должны были разработать новые, более чувствительные способы обнаружения примесей, то есть новые методы анализа. Это понятие: чтобы очистить вещество, нужно знать, как оно осяцается — как, скажем, чтобы рассортировать горох, нужно видеть, какие горошины светлые, а какие темные.

Такие новые, в тысячу раз более чувствительные методы анализа были созданы. Были разработаны и внедрены в производство процессы получения в тысячу раз более чистых веществ. Но когда заработал атомный реактор, то оказалось, что рождающаяся в нем погоня нейтронов можно использовать для химического анализа, обладающего еще в миллион раз большей чувствительностью. Это дало возможность химикам разработать способы получения несравненно более чистых веществ, благодаря чему физики смогли конструировать полупроводниковые приборы.

А вот другой пример взаимосвязи физических и химических исследований. Еще в начале нашего века было открыто интереснейшее физическое явление — явление сверхпроводимости, то есть способность некоторых веществ терять электрическое сопротивление при очень низкой температуре. Долгие времена физиками были известны лишь вещества, приобретающие свойство сверхпроводимости лишь при температуре жидкого гелия. А

жидкий гелий необычайно дорог, и поэтому о том, чтобы практически использовать сверхпроводимик, не могло быть и речи.

Но вот за дело взялись химики и после много лет упорного труда создали сплав, приобретающий свойство не оказывать сопротивления электрическому току уже при температуре жидкого водорода. Физики, в свою очередь, разработали теорию, согласно которой некоторые сложные органические вещества могут проявлять свойства сверхпроводимости даже при комнатной температуре. Теперь слово вновь за химиками, которые должны синтезировать такие вещества. Можете себе представить, какой переворот произойдет в технике, когда такие вещества будут созданы! Тогда и без строительства новых электростанций несравненно возрастает энерговооруженность человечества, потому что потери энергии упадут до нуля, тогда будут построены мощные сверхмощнейшие электростанции.

Ученые предполагают, что явление, подобное явлению сверхпроводимости, лежит в основе жизнедеятельности. Живая клетка — это такое энергетическое и химическое предприятие, которое работает практически без потерь. Как устроена живая клетка, как она работает, — эти проблемы сегодня решают не только биологи, но и физики и химики. И, к сожалению, химикам в этой области принадлежит ведущая роль, потому что в основе явления жизнедеятельности лежат прежде всего химические процессы.

Можно сказать, что молекулы в зачатке наделены всеми теми свойствами, которыми обладают и живые существа. Мы видим, но молекулы тоже «видят»: под действием света они претерпевают характерные изменения, которые и определяют способность глаза воспринимать окружающий мир. Мы производим питание, но молекулы тоже способны «различать», способны воспринимать себе подобные молекулы. Современный механизм передачи наследственных признаков был разработан благодаря непосредственному участию химиков, а недавно работы в этой области завершили грандиозным успехом — полным синтезом гена, то есть молекулы, ответственной за передачу определенного признака.

Синтез гена — это пока что вершина искусства химиков, искусства управления атомами. И этот синтез говорит нам, что неизбежно — рано или поздно — власть химии подчинится не только немивая природа, но и живая мир.

К 150-летию
со дня рождения
Фридриха Энгельса

РЕВОЛЮЦИОННЫ

Юсуф ШАМАНСУР

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ

«Коммуна! — ронатали водопадам
В горах высокие! — Грядет день распыта
За кровью твою! Леса шумели грозно,
«Коммуна! Поднимайся, еще не поздно!»
Пришел через кордон, горы, реки
В дом Маркса Робин, мрачный и угрюмый.
Но в глубине уставших глаз нависли
Тлея жар от красных пепелищ Коммуны.

Простой рабочий, студ и вышел.
Являл собой как бы бессмертный класса,
Который сам избрал свой путь. Огромен
Был этот путь, ничем еще ни разу
Не пройденый. Пролетарияты руки
Свершали революцию в науке.
И была альтернатива революции
Сумно, может быть, простому люду
И мир другой, в котором счастье с плачем
Не перевито, с кровью смех не смешан.
И Робин должен жить в нем, не иначе!
Но долго путь, хоть шаг рабочий спешен.

Лишь мужество одно и преодолюет
Отчаянье, уверенность родителей
От разума и воли, все готовит
Наш опыт — продолжение традиции.
Сколь многие себя борьбе отдали
Во имя счастья — шли на смерть, страдали.
Маркс думал это, медленно шагая,
И развезала борода седая.
И в этой седине сверкала старость —
И жизнь сложна, и прожить тяжело.
Но страсть его не знала про усталость,
И сердце для борьбы его стучало.

Был Робин занят думой с ним одною.
Маркс вел беседу, зота молчаливо думно:
Так астроном беседует с звездой,
Которая внезапно появилась.
Живо в них молодой упоенье
Борьбою и грядущим. И течение
Холодной Темзы стало ошукито,
Как будто это время мчалось мимо.
Вослед ему они смотрели, в завтра.
Далеко был срок, да близок он казался!
Вот Маркс достал чашку свои внезапно:
— Пошли, брат Робин, Энгельс нас ждет.

Дискуссия была в разгаре. С ходу
Вышелся Маркс и тотчас же заметил:
— Банкинеры сознательно льют воду
На мельницу врага. Всего на свете
Спаснее сейчас от планомерной,
Сознательной борьбы отчая! Неверно
Надаться, что и без нас созреет
День революции, она поспевет,
Как яблоко, мол, поспевает и срону...
Организация наших рабочих
Коммуны нынешний урок жестокий
Наш это снова доказал вочьюю.

Без партии, без дисциплины твердой
Нельзя никак завоевать свободу!
Банкинец кричал, к стене припертый:
— Политика серьезная народу
К чему, скажите! — И совсем невинно:
— Свободу не скуют ли дисциплиной!
Не чулды ли поэзия и наука
И эрационализм! Отвечайте, Му-на!
Тут Энгельс встал, кипя и негодуя:
— Являете политикой, однако,
Свобода от политики, скажу я,
И, очевидно, ваша суть двояка.

Банкиници отставил ступ и вышел.
А Энгельс продолжал, ему внимали
Так, словно с каждым словом он все выше
К вершине улекая, откуда даль
Открыты вела. — Мы продадим позору
Пустые фразы. Обретем спору
В единстве слов и дела и в сплоченном
Пролетариате — в этом назначенье
Рабочие партии. — И аплодисменты
В ответ раздались. Кончилось собрание...
Маркс и Энгельс шли вдоль широкой ленты
Реки, и долго длилось их молчанье.

Словоз ночь и словоз туман-огни меряют,
И лондонские улицы пустыня.
Лопаты все сидят мном мудрецам,
Как будто он их сил, и сил любимых.
Внезапно Ленкин шеюдость овладела,
Стоя сестерью она заставляла белой,
Поставила вино и сыр достала.
Налили все и поднали бокалы
За гости русского. — Я неоступно
Все думаю о Чернышевском вавеле...
Промовляю Марк — Экономиста трудно
Подобного сыскать!.. А он под стражей.

Без твоя и без ярости не в силах
Я вспомнить про это! Русский гений
Работ его не знают перевода.
И это долг наш общий и забота.
— Иноно, — Энгельс молвал, — будет доля,
И справедливый час освобождения
Пройдет, и воля, воля
Вознаградит и верность и терпенье.

Лопаты слушал эти речи молча,
И перед взором его плыли степи
Заснеженные, ветер был по-воцмьм,
И ирочно тяжело заветили щем,
Что Чернышевского во тьме сиявали
В глубинах Петропавловки, в подавале...
Тут Энгельс провознес: — От гды и гду
Он призван познать свободу цем,
Что революцию народа
Приблизит. Друг наш при великом деле!

Признался Энгельс: — Если в силе
Без заняты одним — еще я в силе
Работу продолжать... — Мать с дочкой шили.
Другая прошила к оному и закурили.
И с сумерками равными седими,
Казалось бы, свалились водино.
А со стены портрет печальный Гейне
Смотрел, как много лет назад на Рейне.
Как запертый дракон в неволе, плачет
Огонь в печной трубе, могучий, дикий...
Промовляю Энгельс: — Кто поймет, что значит
Прочитать зоты бы «Синим» и все кончат!
Инспектора применено в фоманты,
Всю эконоимию сведа в таблицы,
Писали живые страны. А фабриканты
Не думали, что может пригодиться
Весы этот труд, парламенты отчета
Для кропотливой марксовой работы.
И книги Энгельс березино и ловно
Переставлял. Как будто бы спецовка
Рабочего, они истерты были.
Одна была прострелена. — Банкиры
По ней стреляли. Все же не убийли!
Они беспились, и не только к жару.

Продолжил Маркс: — Оин по ней стреляли,
Как будто в правду целясь. Ступотыли!
Но эти цифры под огнем стояли,
Как живучие отщепенцы солдаты.
А пулей правду поражая инноно!..
Спасибо, Фред... Маркс закурил устало...
Ты много знаешь, досконально. Зрима
Любая мысль твоя, как сукь кристалла.

Жизнь с юных лет давно уже всецело
Связала нас, одна душа живая
У нас с тобой. Мы как две руки у тела...
Пока со мною, друг ты мой, старела
Мне не страшны, не буду поруба вечно,
Я зная вниде. Людская душа вечно,
Как и любовь, может, и бесконечно
Могущество ее.

Гуманность нам поможит быть упорной,
Как винт, что в юности скрепил железю.
А сталь в работе станет лишь острее.
Скрепляются тираны — тем острее
Желанье победить! — сказала Маркс. — Боже,
Как растянута миссия, и пологи
На борозду твою они вдруг стая...
Предугреший я оно являлся колод.
Друга обременял и зозоготал.
И смех гробил, как прежде, чмст и молод.

© Синие книги — донесения английских фабричных инспекторов, достаточно объективные.

Перевел с узбекского
Натан ЗЛОТНИКОВ.

«Ни одна страна не имеет столько природных богатств, как наша прекрасная Родина. Но используя естественные ресурсы, мы обязаны проявлять хозяйскую расчетливость, чтобы природа не увядала, а продолжала служить нам и радовать нас», — говорилось в отчетном докладе ЦК ВЛКСМ на XVI съезде комсомола.

Теме исследования и охраны природы мы посвящаем в этом номере два материала.

ДРЕЙФ НАУКА: ЭКОЛОГИЯ ЗА

ГРЕНЛАНДСК

В начале марта 1966 года на льды Белого моря вертолет эмсадил группу ученых лабораторий по изучению морских млекопитающих Вsesоюзного и Поллярного научно-исследовательских институтов морского рыбного хозяйства и океанографии. В течение трех недель эмшал ВНИРО и ПНИРО (созвездие Персея на зимнем фоне) разовое над палаточным лагерем, дрейфовавшим вместе с десятками тысяч гренландских тюленей, которые приходят сюда в это время для рождения потомства. Торос — как назвали экспедицию — изучал животных в естественных условиях в самый важный период их жизни.

В дальнейшем советские биологи еще трижды эмсажились на жаргонские льды Белого моря. Последняя

На связках:

Участники экспедиции тюленей Белого Василия Кароткий и Виктор Пацочин.

Научный десант высадился на льды Белого моря.

Этому белку всего две недели от роду, но он уже «бьет интерес» мальчишке экспедиции «Торос-4» кандидату биологических наук Лью Попову.

Фото Геннадия КОПОСОВА

ТИУЛЕНЕЙ

экспедиция — «Торос-4» — проходила весной этого года.

Наш корреспондент Леонид Плащак встретился с начальником «Торос-4» кандидатом биологических наук Львом Алексеевичем ПУЛОВЫМ и попыткам ответить на несколько вопросов, связанных с экспедициями ученых в Белом море.

— Лев Алексеевич, прежде чем строить о выводы, которые смогла сделать учиние после четырех дрейфов в Белом море, хотелось бы узнать, что послужило причиной экспедиции «Торос». Почему именно сейчас и именно предвадским тюленем заинтересовались биологи? Преследовали они чисто научные цели, или их наблюдения будут иметь практиче-

ское значение для нашего зверобойного промысла?

— Сейчас группа сотрудников лаборатории по изучению морских млекопитающих ВНИРО изучает запасы тюленей Белого, Баренцова и Каспийского морей, чтобы дать рекомендации по их рациональному использованию. Таким образом, наши научные исследования преследовали сугубо практические цели.

Необходимость в таких рекомендациях возникла потому, что запасы тюленей заметно сократились.

— Это угрожало полным исчезновением вида?
— Нет. К таким тяжелым последствиям охота на гренландского тюленя еще не привела. Но, видимо, мы мога прийти к весьма плачевным результатам, если бы в последние годы по требованию ученых промысел ценного морского зверя не был значи-

тельно ограничен. До 1965 года в Белом море можно было бить тюленя сколько хочешь. В дальнейшем — разрешал забой всего 23 тысяч, причем только молодняка этого года рождения.

— Но в результате такого жесткого ограничения, видимо, начал простоять зверобойный флот, и весь промысел стал нерентабельным?

— Из двух зол нужно выбирать меньшее. Да, потери, которые вынуждено нести наше хозяйство в результате ограничения охоты на тюленя, несомненны. Но легко предсказать последствия, которые обязательно наступят, если не вводить ограничений. Это все равно, что срубить дерево, на котором растут золотые яблоки. Мех молодого тюленя высоко ценится и на внутреннем и на мировом рынках.

— Зверобойный промысел на Севе-

ре имеет давнюю историю. Наши моряки сотни лет назад торговали продуктами его: мехом, кожей, жиром. Как же случилось, что сейчас его запасы оказались вдруг так сильно истощены?

— В прежние времена охота на зверя велась в основном вдоль береговой линии. Далеко в море в зимнее время года поморы не уходили. Так что основные лежбища были недосигаемыми. И количество добытых шкур оставалось ничтожным по сравнению с общим поголовьем животных.

Позднее на помощь охотникам пришла авиация. Самолет-разведчик находил лежбища с наиболее плотными скоплениями тюленей, передавал их координаты по радио промышленным судам ледокольного типа, которые могут пройти сквозь торосы куда угодно.

Техника сделала человека силь-

В НАШИ РЯД

ным, а спрос на мех и его высокая стоимость окупала затраты. Вот почему поголовье трепальщиков тюленей и в районе островов Ян-Майен и Нью-Фаундленд, где промысловые катаны и норвежцы, и у нас, в Белом и Баренцовом морях, резко сократилось. Причем вылавить беломорское стадо нам «помогали» и норвежцы. Когда весной лэддыны с лежбищами тюленей вышло через беломорскую горловину в Баренцово море, тут их (за пределами 12-мильной зоны территориальных вод) ждали норвежские зверобойные шхуны. Только во время второй мировой войны тюленья промысла получила пятилетнюю передышку.

— Вы говорите, что стадо тюленей сократилось. А насколько? Какое оно было раньше? Какое оно сейчас? Ведь эти цифры необходимо знать, чтобы представлять, до каких размеров нужно восстановить поголовье.

— Конечно, чтобы что-то планировать, нужно иметь исходные цифры. Но, к сожалению, точных данных нет.

Раньше думали: наши запасы тюленя неисчерпаемы. Теперь, когда мы начали наконец считать, оказалось, что не только несовершенна наша методика учета, мы еще недостаточно хорошо знаем биологию этого животного, хотя живем бок о бок с ним и охотимся на него сотни лет.

Считается, что в 1928 году (по данным аэрофотосъемки) беломорское стадо достигало трех миллионов голов. К 1953 году оно сократилось вдвое. Предполагают, что сейчас оно составляет 500—600 тысяч. Но я в этих цифрах не уверен.

— Почему?
— Дело в том, что даже самая тщательная аэрофотосъемка может зафиксировать только тех взрослых тюленей, которые лежат на льду. Шуба малышей-бельков того же цвета, что и снег,— значит, они учтены не будут. Во время дрейфа мы увидели, что самая большая часть времени проводят под льдами и выходят на поверхность, чтобы кормить детенышей. Значит, не все самки попадают

на фотографию аэросъемки. Осталось посчитать рядом с ними на льдине.

— К каким же выводам вы пришли?

— Сначала несколько слов об особенностях тюленей. Обычно самка рождает по одному детенышу. В первые 18—20 дней жизни молодые тюленя малоподвижны, лежат на солнце или в торохх и ждут, когда матери в очередной раз придет кормить их. Самка кормит только своего ребенка, которого, видимо, узнает не столько по голосу, сколько по запаху. Чужих детей от себя гонит, поэтому белки, потерявшие мать, обречены. В молоке тюленя примерно 40 процентов жира. Поэтому, родившись десятикилограммовым, белек через три недели весит 35—36 килограммов.

На этом забота матери о нем кончается. Молодняк начинает линять, превращается из белки в серку и дрейфует вместе со льдинами в Баренцовом море.

Период кормления лэддыней—самое удобное время для подсчета.

Нам особенно важно знать поголовье плодородящих самок: воспроизводство стада зависит от количества матерей в нем.

— Но ведь на аэрофотоснимке самца не отличишь от самки.

— Во время линьки и кормления молодянка самцы заматывают по периферии лэддыны плотными косыми по 300—400 голов (мы называем их «мостриками»), и это хорошо видно на снимках.

— Допустим, что предложенный вами метод позволит очень точно подсчитать все стадо. Но этого недостаточно. Нужно еще разобраться с динамикой роста стада в будущем. Каким мы хотели бы его видеть в идеале? Когда оно может достичь этого размера? При каких условиях? Так что вопросы, видимо, будет и в дальнейшем немало.

— Разумеется. Интенсивный тюлень промысла нарушил половую норму, заложившую природой. Охота нанесла большой урон самкам. Самцы осторожны. После первого

В шестидесятые годы на Западе не только новыми изданиями вышла книга, претендовавшая на анализ мирового демократического движения молодежи. Называлась она «Мир в дружбе» — именно так, с многозначительным знаком вопроса. Написали книгу в одном из боннских учреждений сотрудничества бюро политических исследований, представителем «светофора» и «специальности» по коммунизму.

Манипулируя цитатами из произведений основоположников марксизма-ленинизма, из советской печати, авторы из всех сил стремились доказать, что Всемирная Федерация Демократической Молодежи, равно как и другие прогрессивные международные организации — Всемирный совет профессоров, Международная организация журналистов, Международное объединение юристов-демократов, — являются якобы «тронским конюхом», который коммунисты используют для подрывной работы в «свободном мире».

Разумеется, люди, отрицающие то, что ВФДМ уже 25 лет своего существования борется именно за мир и дружбу, не рискнули открыто изложить цели и методы борьбы, которые никогда не скрывала ВФДМ. Они не рискнули и сказать, что наряду с молодежными союзами социалистических стран в федерацию входят прогрессивные организации стран капиталистического и так называемого «третьего мира», причем именно они составляют большинство в ВФДМ.

10 ноября Бюро организации, сплотившей передовую молодежь планеты, исполнилось 25. Четверть века назад, когда ценили колоссальные жертвы безразличного фашизма, депутаты демократических молодежных мира, вышедшие солдаты и партизаны, собрались на конференцию в лондонском «Альберт-холле» и дали клятву: «Мы построим мир, который будет красивым, свободным. Мы выучим наше единство!» ВФДМ ни на шаг не отступала от этой клятвы.

Будет ли. Улица Эндра Ади. Здесь расположена штаб-квартира ВФДМ, привлекающей к себе центростремительной силой братства более двадцати миллионов гражданских разрозненных людей двухсот миллионов единомышленников. Пусть же о прошлом, настоящем и будущем ноября расскажем люди, с которыми я встретился в доме на будапештской улице Эндра Ади.

Президент ВФДМ Анджело ОЛИВА (Италия):
— Родившись как антифашистская организация, ВФДМ сегодня сражается на антиимпериалистическом фронте.

Молодежь — революционное поколение,

несоперягаемое общество», «бунтующая сила». Буржуазия пытается понять причину этого взрыва, создает массу теорий, которые на деле скрывают истинное положение вещей.

Разумеется, научно-техническая революция, демографические сдвиги (человечество молодеет), рост числа учащихся, авторитет молодежи в науке и на производстве — все это важные объективные причины. Но главной приметой нашего времени стала политическая активность молодых, которые особенно чувствительны к социальной и экономической несправедливости, к империалистической агрессии, расизму, колониальному угнетению. Ускорителем этих процессов является борьба молодежи социалистических стран, юных отрядов национально-освободительного движения. Молодое поколение в странах капитала все яснее понимает, что оно лишено принадлежащей ему по праву роли в общественной и хозяйственной жизни. И характерным стало то, что сегодня молодые рабочие не замыкаются в рамках своих выступлений, молодые крестьяне не ограничивают себя лишь цепями своего движения, студенты — проблемами одной лишь интеллигенции, а скажем, негритянские юноши и девушки США — только борьбой чернокосых американцев за свои права. Все чаще молодые представители разных классов, разных социальных категорий выступают плечом к плечу. Это — новое в жизни планеты, и оно набирает силу.

Естественно в связи с этим и тяга молодежи к единству действий. Если раньше некоторые отряды молодежного движения в разных странах и на разных континентах боролись за свои текущие, immediate цели, то сегодня все ярче чувствуется, что идет общая, глобальная борьба за свободу, демократию и права человека, за справедливое устройство общества, мир и прогресс. Скажем, выступления латиноамериканцев против рабочих-политиков монополий США объективно связаны с выступлениями французских рабочих и студентов за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, за демократизацию высшей школы, управление которой в руках монополистического класса привело к кризису при буржуазии. ОАР делегация ВФДМ посетила развалины школы в Бахр-эль-Банк: школу разбомбили израильские στρατιоты, пользующиеся американской техникой. Но стихию возмущения митинге в Бахр-эль-Банк зашла речь и о Сонгми и о других жертвах империалистической агрессии.

Здесь бы я хотел подчеркнуть одно обстоятельство. Лейте экстремизма и те, кто старается давать «международному молодежному движению

советы «справед, однако» стремится увести его от генерального направления нашей борьбы — от сплочения сил на главных ее участках, от солидарности молодых с другими отрядами мирового прогрессивного движения. Мне хотелось бы напомнить лозунг, который, как знамя, подняли испанские борцы за демократию: «Не молодые против старых, а молодые — против старое!». Да, не «конфликт поколений», а борьба людей разных возрастов в одном строю против империалистических зверств во Вьетнаме и на Арабском Востоке, против колониализма, гнета монополий, против их попыток сохранить господство путем аграрной, подпольной реакционных режимов, консервации остальных общественных структур».

Генеральный секретарь ВФДМ Имшель ЖУЗ (Франция):

— В Европе особенно оцудими качественные сдвиги в массовом молодежном движении. Это доказали выступления юношей и девушек в ФРГ, Франции, скандинавских странах.

Новые, более благоприятные условия для мира и безопасности на европейском континенте возникли благодаря внешнеполитическим акциям Советского Союза и других социалистических стран, благодаря поддержке их всеми прогрессивными силами. Молодежь внесла свой особый вклад в борьбу против реакционных сил в Западной Германии, реакционных режимов в Греции, Испании, Португалии.

Международная конференция молодежи «За безопасность и сотрудничество в Европе», проводившаяся ВФДМ в Хельсинки, показала, что миллионы юных жителей старого континента едины в своем требовании: признать Германскую Демократическую Республику и последовательные границы в Европе!

Вперед! у федерации новое и важное дело — всемирная акция «Юность обличает империализм», предложенная Ленинским комсомолом на его XVI съезде. Так было, есть и будет всегда и в союзу ум, сердце и руки советской молодежи готовы для помощи ВФДМ, готовы включиться в дело, проводимое ею.

...25 лет назад в лондонском зале «Альберт-холл» 437 делегатов из 64 стран мира проголосовали за создание ВФДМ. Четверть века спустя Бюро союз прогрессивной молодежи мира, изумужавший, набравший нелегкого опыта, объединяет всех юношей и девушек, верящих в победу МИРА и ДРУЖБЫ без всяких вопиительных знамен!

выстреля весь «монастырь» исчезает под ладьями. Матери же не покидают белым, даже если им самим угрожает смерть. Раньше охотники так и поступали: детеныш был из-за мамы, а мама — из-за сына и жере. Это было варварство не только потому, что ни шкура, ни жир по стоимости не идут ни в какое сравнение с мясом, но и потому, что в ту пору охотники (ведь сама толща плодородного до 30 лет), но еще и потому, что стадо все больше и больше утрачивало свою способность к воспроизводству.

— Какое еще наблюдение велось на «Торосах»?

Наша Дрейфус раскрывал такие стороны в жизни толкеев, о которых мы не предполагали.

В 1967 году с помощью гидрофона мы записали звуки подводного мира. Звук издавали животные, живущие между собой, но также издавали звуки веселый смех. Толкены кричали, свистели, пищали, доказали, хрюкали — вертегивались на самых разнообразных зыках.

— А на поверхности тоже записывали?

— Да. Но в этом мало толку. Представьте на ладные несколько десятков тысяч без их стада. У них очень четко волеуясняется знак «мат». И вот это многоголосное бесконечное «ма-ма-ма» стоит над ладной и Адем и ночью.

— А что Ассесевич, мы вели с вами разговор все время от том, какой ущерб толкеев наносит человек. Но, видимо, и природа вносит свою лепту в сокращение их численности?

— Конечно. И наши экспедиции должны были определить влияние погодных и гидрологических условий на жизнь морских зверей. Хотя Белое море и невообразимо по размерам, оно довольно строго и коварно. Тут очень большое колебание уровня воды во время приливов и отливов, сильное течение, течения, ветры, туманы, вавает на дрейф льдов, их торошение, поджигание, прочность. Каждый раз мы высаживали свой лагерь в середине моря примерно в одном и том же мес-

сте, но заканчивали рейс в разных районах.

Все это не проходило бесследно и для наших ластовских соседей. Первый же «Торос» стал свидетелем того, как размылся в море.

У уже говорил, что мать кормит детеныша дней 20. Дальше он самостоятельно дрейфует со льдами и живет в стесненных условиях. Живя в лодке по лаву в Баренцово море, похуающихся от многолетней голодовки, он впервые в своей жизни спускается в воду, развивает самостоятельно добыть пищу — мелких рачков, — которой тут довольно.

В марте 1966 года льды начали дрейфовать не на северо-запад, как мы полагаем, а на юго-запад. Запасы поджогового жира истощались, а запасаемого Баренцова моря все не было. И тогда старей стали покидать ладьяшки, размылись в море.

Их находили в деревнях, на полях, в прибрежных лесах далеко от воды. Видно, темневшие на горизонте Деревья они инстинктивно при-

мали за плосу чистой той ладья воды. Попадали туда и гибали.

Так что в будущем, определяя лимит, придется учитывать и погодные условия той или иной года.

Ученые должны изучить всевозможных мерх, которые предпримет человек, чтобы в настоящее время упорядочить охоту на толкеев. А каким в будущем будет этот процесс, вам, ученым, в будущем?

— В идеале зверобойный промысел должен вообще прекратиться. Он уступил место зверобойному хозяйству. Ученые обязаны научиться рачительно и бережно пользоваться природой, брать у нее только то, что она может восстановить. Если говорить конкретнее, то здесь надо изучить, что она должна стать научно обоснованной. Мы, ученые, в зависимости от обстоятельств будем давать промысловым хозяйствам рекомендации: об оптимальных сроках забоя толкеев, их количестве и возрастном составе. Теперь все стало ясно, что вести промысел старыми методами нельзя.

Это маленькое крылатое существо гуще в себе массу интересных тайн природы, и одна из них — способность птицы ориентироваться в дальних перелетах.

Для представителя одного узла: сойка (вверху) и ласточка (внизу).

Это кольцо птаха унесет с собой в дальние страны.

«Рыбачинские ловушки» на Куршской косе. Тысячи перелетных птиц каждый день залетают сюда, чтобы потом продолжить свой путь завербованными наукой.

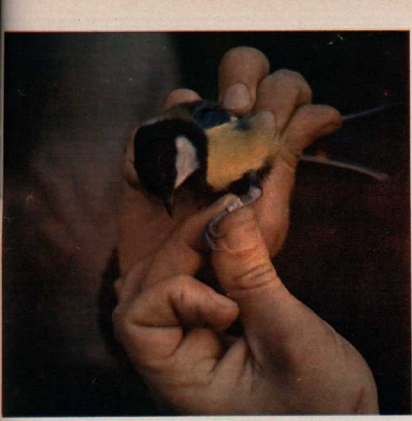
НАУКА: ОРНИТОЛОГИЯ

Марк БАРИНОВ,
Василий МИШИН (фото)

ПУТИ КРЫЛАТЫХ СТРАННИКОВ

20 СМЕНА

берегов Балтики на сто с лишним километров, отделив от моря огромный Куршский залив.

Недалеко от дороги над лесом высятся гигантское сооружение — существующий сетчатый коридор. Вход в него имеет двенадцать метров в высоту и тридцать в ширину. Если идти по лесу, собирая ягоды, можно и не заметить, как очутишься в ловушке. Так и птицы. Они летят низко над землей, и в зарю — со стороны, сеть слева, сеть сверху. Испуганная стайка мчится вперед, сети сжимаются. Попытка повернуть назад безуспешна: сзади тоже сетчатые стены — ловушка построена по принципу рыболовной верши. Но вот впереди круглое отверстие, и птицы оказываются в большой клетке. Так устроена знаменитая «рыбачинская ловушка». В лесу несколько домиков: лаборатория, павильоны для проведения экспериментов, кухня, научная комната и личное «буналово» научных сотрудников. Это пункт отлова и кольцевания птиц. Сама же станция — в двадцати километрах в рыбацком поселке, который так и называется Рыбачий (отсюда и название «рыбачинская ловушка»).

Как и все биологические науки, орнитология — наука, изучающая птиц, в наше время бурно развивается. Перед учеными раскрываются новые тайны природы, тончайшие связи и в то же время возникают еще более глубокие проблемы.

Вопросы биоритмики только начинают разрабатываться. Совсем недавно орнитологи считали, что осеннее ожирение птиц мешает ей во время дальних перелетов. И вдруг выяснилось, что жир для птицы (не пример человеку) — идеальная «топливо» при больших физических нагрузках. Он сгорает весь без остатка в полете, и стаю должна делить привал, кормиться, нагуливать жир и лишь потом снова сниматься в путь. Так разжились «вольные перелеты» то наблюдаются массовые полеты (когда в сутки в ловушки оказывается до пяти тысяч птиц), то вдруг замедлит движение странников.

Но, конечно, самое удивительное и самое таинственное в жизни птиц — это удивительная тайна их ориентации. Все знают, например, удивительную способность голубей возвращаться в свой дом, если даже их завезли далеко в закрытые клетки. В прошлом была популярна голубиная почта. Ученым известны факты, когда сухоплутые птицы летят за многие тысячи километров, пересекая огромные водные пространства, чтобы найти маленький островок, затерянный в океане, и именно там останавливаются на зимовку. Золотистые ржанки, например, в Аляске летят с Юго-Восточную Азию и, пролетев 3800 километров над океаном, останавливаются на отдых на Гавайях и на мелких коралловых островах.

Раньше ученые считали, что птицы каким-то образом ощущают направление сторон света, обладает, как говорят, компасной ориентацией. Но последние исследования показали, что дело гораздо сложнее. Крылатые странники не только могут держать заданное направление, но и определять, где в какое время они находятся, и в соответствии с этим менять курс полета. Это уже высшая способность, это навигация!

Директор орнитологической станции В. Р. Долгий приводит в своей книге «Птенцы» интересные примеры: было бы удивительно высказание американских ученых о том, что найти в океане лимнококциновые кусочки суши было бы для птицы так же трудно, как для пилота в кабине самолета с навигационными приборами стоимостью в 10 тысяч долларов в кабине с помощью земных радиолокаторов, стоящих здесь полтора миллиона долларов!

Кем же образцом эти крохотные

навигаторы осуществляют свои полеты, что представляют собой их «штучные рубины»? Вернее за решение этих проблем ученые смогли взяться лишь в последние десятилетия. Одним из первых была выдвинута гипотеза ориентации птиц по тепловому излучению. Иными словами, птицы, по этому предположению, ощущают, где теплее, и туда стремятся. Другая гипотеза основывалась на органике какой-то орган, который, как компас, способен улавливать земной магнетизм, некий биологический компас. Выдвигалась гипотеза, что у птиц вообще летят по некой спирали и, только увидев очертания знакомого ландшафта, берут курс на родные места.

Все эти предположения не выдержали экспериментальных проверок. К птицам привязывали миниатюрные магниты, чтобы «застыть» в толку их «биологический компас», но они как и прежде не бывало летели точно по курсу. С ними проводили другие сложные эксперименты, и в результате одно за другим построены рушлись. Тогда возникла гипотеза о «окулярной навигации». Смысл ее заключался в том, что никакой навигации вообще нет. Птицы летят беспорядочно, как мотыльки в известном и, мол, некоторые все же попадают куда надо, считали сторонники этой гипотезы. Но исследования продолжались, и время потесняло и над этими утверждениями.

Каких-нибудь десять — пятнадцать лет назад загадка стала проясняться. С новыми великими именами в области «окулярной навигации»: наук В. А. Павский. И, как это бывает, ответ оказался простым и в то же время поразительным: птицы, оказывается, ориентируются не по солнцу и звездам, а не просто ориентируются, но точно определять угол между направлением на светило и генеральным курсом своего полета. Более того, птицы способны «оправку» на время суток, «рассчитывая» свой курс, а также действие немалого без точного хронометра. Исследования показали, что птицы обладают «биологическими часами», идущими с точностью до минуты в сутки.

Исследования продолжаются, и каждый год приносит новые открытия. Есть предположения, например, что птицы, как и летучие мыши, обладают, кроме прочих «навигационных приборов», и дозиметрами, которые помогают зафиксировать и информировать крылатых путников о трассе полета. Странные ночные крики перелетных птиц ученые считают слышимой человеческим ухом частью звуков ультразвукового диапазона.

Где же все-таки размещаются «навигационные приборы» птиц: «часы», «секстанты» и прочее? Весь организм, все биологическое устройство во время перелета превращается в единый «навигационный прибор». Птица находится, как говорят ученые, в миграционном состоянии.

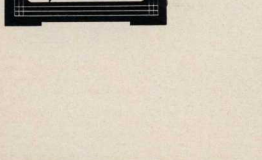
Теперь, казалось бы, самое время вспомнить о бионике, науке моделирования в технике биологических систем для использования их человеком. Какими же бионическими системами Е. Шумков, много лет занимающийся на станции проблемами ориентации, сказал мне, что действительно изучение этой удивительной способности у животных порождает многие интересные бионические идеи, которые, видимо, найдут применение в миниатюрной точных приборах, их надежном использовании (вспомните, например, медиков и многих других). Однако по невероятной сложности исполнения «навигационная рубка» птиц, как и многие другие биологические системы, остаются на долгие годы недосягаемой мечтой человека.

Птицы летят зимовать в теплые края. С севера на юг. Это знают все. Менее известно, что они летят не только в этом направлении, а как бы наискосок. Они держат свой путь по берегам моря и крупных водоемов. Все наши птицы — с северо-запада, а вместе с ними и их финские и норвежские родственники летят зимовать не прямо на юг, а вдоль берегов Балтийского моря. От Ленинграда к Таллину, и Рига все больше собирается пернатых странников, все оживление на большой пиньей дороге, и вадрут весь этот поток оказывается над узкой полосой суши, над Куршской косой. В первом

сезонных миграций здесь проходит миллионы и миллионы крылатых путешественников. В мире не бывает другой такой концентрации перелетных птиц. И потому здесь расположилась одна из известнейших среди зоологов орнитологических станций по изучению миграции птиц. На станции трудятся семнадцать молодых ученых. В их числе — доктор наук и семь кандидатов. Самому старшему из них 33 года.

Куршская коса — уникальное место. Природа, видимо, решила доказать здесь, что умеет строить гидро-технические сооружения не хуже человека. Широкой в среднем около километра, косе протянулись вдоль

СМЕНА

на экзамен по русской литературе в Литературном институте. Студенты, выслушавшая в большинстве своем только ответы на вопросы, высказывали интересные суждения и выводы, обнаруживая способность анализировать, размышлять. Были как восторженные и школярские ответы, огорчавшие экзаменаторов: ведь экзамен сдавали молодые литераторы, каждый из которых уже «пробовал» свое перо и — безуспешно! — метаясь по большому и сложному творческому пути. А чтобы создавать, творить литературу, надо знать ее великие образцы, уметь их читать и понимать.

Наконец-то осмелились инцидентами или смешными сюжетами, застенливо присутствующими этому событию, экзамен не прерывался, но вот перед комиссией сел студент Н., один из тех, кого товарищи между собой шутили и дружески называли «классиком». Он уже опубликовал несколько прозаических вещей, а последняя его повесть, напечатанная в столичном журнале, повесть действительно неплохая, написанная о переломном и веховом, послужив к критической орбите и была непремено расхвалена.

Н. ответ держал по Толстому. Надо было видеть с каким воинским превосходством говорил он об авторе «Войны и мира»! Правда, повечуему можно полагаться, что он высказывает какое-то собственное оригинальное суждение. Н. говорил о покое героического о произведении Толстого. Он «похвалялся» его с «Себастопольские рассказы», заметив, что в них автору удалось правдоподобно показать героизм русских солдат и офицеров, так как он сам участвовал в Крымской войне.

Но образ капитана Тушина из «Войны и мира» Н. воспринял совершенно неадекватно. В его изложении Толстой по словам Н., уже значимо микровозражен. Ему не понравился изображение Тушина после сражения, в котором он все себя героически. Почему Тушин так неадекватно изображен? Почему Тушин не может быть предан, а ведь какой-то герой, растерянный, словно побитый! — ведь он герой!

Так примерно рассуждал о капитане Тушине молодой литератор. И надо же сказать, доходя до того, что рассуждения эти созданные экзаменатором, средн их были и те, которые учил Н., читая лекция о русской литературе, о Толстом, о «Войне и мире», стараясь раскрыть идеино-художественное богатство великого произведения.

Я начал с этого злорада потому, что он кажется мне поучительным. Если в высшем учебном заведении такой случай редок, нетипичен, то школьные учебные программы по русской литературе довольно часто грешат затученными формулами, идеалогическими и неисторическим подходом к великому созданию классиков. Акцент иногда делается на том, что писатель «не изобразил», «не показал» или что «неверно отразил», а не на том, что прекрасно, человечно, высококрасноречиво и правдиво.

С горы всегда видны. С вершины нового времени и нового знания о жизни сегодня многое из прошлого видится в более отдаленной закономерности исторического развития. Скажем, социально-историческая концепция Отечественной войны 1917 года, основанная на идеологии, могла бы быть даже вернее, чем у Толстого, но где тот романтик, который напишет «Войну и мир»?

Молодой литератор Н. мог бы и должен был бы прежде всего понять, с какой огромной художественной силой написана повесть Толстого, как жизнь русского общества в переломный период отечественной истории обрела под пером великого художника плоть и конкретность, предстала в

выразительных картинах, в незабываемых аллюзиях, в реалистичности и образных противоречиях. Такое творение под силу только гениальному писателю. Недаром В. И. Ленин оценивал творчество Толстого как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Он же дал исторически объективное объяснение противоречий во взглядах Толстого, считая их отражением в высшей степени сложных, противоречивых условий, исторических традиций, которые определяли расхождение различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху. В. И. Ленин в наследстве Толстого отмечал то, что не отстоял в прошлом, а что принадлежало будущему, то есть нам, современникам, и писал:

Толстовский капитан Тушин, такой непротиворечивый и невидный, художественно ярко и idealно выражает национальный дух русского народа, его безбоязную храбрость в защите чести и скромное внутреннее достоинство, а если он не ходит сразу вперед после сражения, то только потому, что это чуждо его натуре, что он не видит себя героем, а видит рядовым туземным бойцом, выполняющим необходимую и истинное дело, которое стремится выполнить наилучшим образом. Позволяю себе сослаться на то, что для многих моих товарищей-фронтовиков и для меня капитан Тушин был в годы мировой войны одним из самых любимых героев русской литературы. Сколько наследовала Тушина, так похожих на него в непоказном своем героизме, довелось видеть на полях сражений Великой Отечественной войны!

Не только молодому литератору (а ему предлежит дело), но и каждому взрослому, любящему литературу, важно научиться читать и понимать классику. Для литератора, помимо всего прочего, это исключательный школа эстетического воспитания, величайшая школа становления мастера и требовательности к самому себе, к своей работе Чехов, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Цветаева, Гундина, были не просто учителями и образцами, а величайшим стимулом творчества и требовательности к самому себе, к своей работе Чехов, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Цветаева, Гундина, были не просто учителями и образцами, а величайшим стимулом творчества и требовательности к самому себе, к своей работе.

Чтобы научиться читать, и понимать классику, необходимо отбросить некоторые школьные канонические догмы, а именно: принадлежность к «популярным» и «отрицательным», заучивание вместо аналитических рассуждений и мучительного проношения а характер в душу, в переживание этого произведения. Литература — это искусство, что Евгений Онегин — это изображение реальный человек, как мне довелось услышать от десятиклассника. Надо прежде всего уразуметь, что же стоит за понятием «идеальный человек», что покаяние этого имени в русской действительности и в русской литературе. Надо проследить все проявления характера Онегина в пушкинском романе. Тогда перед вами откроется богатый и сложный мир этого незаурядного и в то же время «идеального» человека, и в чем-то, в каких-то своих гуманистических устремлениях он станет ближе вам, а в чем-то отдален. Но вы не предельно ему «сближены» в общественной сознании с персонажем сегодняшнего дня, потому что вы будете видеть конкретно-исторические обстоятельства появления Онегина в свое время.

Понорности, внешнее протичение некоторых классических произведений может быть совершенно искаженное представление о них и их создателе. Я приведу в пример стихотворение Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 года»:

Вот бреду я вдоль большой дороги
 Как сумасшедший гонимый гонимым.
 Твоему мне, замаранному миру,
 Друг мой милый, выднри ли меня!

Все темней, темнее над землею —
 Улетел последний обфес деня!
 Бедт тот мир, гда мнги ны с тобою,
 Ангел мой, ты выднри ли меня!

Завтра день молчат в печали,
 Завтра память ровного дня,
 Ангел мой, где б души ны венчал,
 Ангел мой, ты выднри ли меня!

Что можно извлечь из этих строк при таком прочтении? Реализм? Или идеализм? Или романтизм? Полное разочарование и безнадзорный пессимизм? Если не углубиться в стихи, то можно эти ограничиться и закрыть толку Тютчева, не получая даже от того, что стави перед нами. Тут выднри же в них, читатель непременно почувствует глубокую трагедию человека, потерявшего любимую женщину. И получает от том, какое громадное чувство любви переживает и переживает этот человек на своем лет и как прекрасно, что люди могут, умеют так любить.

Тогда он, возможно, захочет узнать, кто же вдохновил поэта на эти стихи, кто возвышенный образ имел в виду Тютчевских стихи. В комментарии к стихам, в биографических очерках, в статьях о творчестве гениального русского поэта он найдет имя Евгения Александровича Денисьева, который посвящая мысли лирические шедевры Тютчева, был даже выделен отдельным изданием. А уж после этого он прочтет и весь «Идеальный» цикл и, возможно, всего Тютчева, открыв в нем неисчерпаемые запасы прекрасного. Задачу тому читателю — это удивление, радости, счастью, — который прочтет это впервые. Впрочем, такие стихи можно читать и перечитывать во второй и в десятый раз — глубина их переспарения, каждое новое чтение тревожат ум и сердце, возмывает душу.

Лет двадцать примерно назад я немного работал в школе, преподавая литературу в восьмых классах. Я был неспешным, молодым учителем и не могу сказать, какой именно успехи в этой работе. Ребята внимательно слушали мои объяснения, им, возможно, нравилось мое увлечение, но в трех восьмых классах я и не мог назвать ни одного ученика, для которого литература стала бы самым любимым предметом. Это огорчало меня.

И вот однажды произошла такой случай. В восьмом «Б» классе шел урок литературы (после того, как такой же урок был проведен в восьмом «А»). Ребята по моему заданию читали «Горе от ума» по ролям, начиная с первого действия. Все шло обычно. Иногда я останавливая кого-нибудь из «действующих лиц», просил выразительнее произнести ту или иную реплику, и вдруг, когда повисла Чадкий и прозвучал смелую фразу: «Чуть свет — уж на ногах! И я в валках ногу. —» в классе погас свет. Он погас во всей школе, а в последующие по-дам случалось и такое.

Лет в том, что лет за десять до этого, когда я учился в восьмом классе, мои школьники, поставив «Горе от ума» на сцене и так увлекались этим, что некоторые из нас выступили комедию Грибоедова извусты. С тех пор мне не доводилось читать ее по памяти, но отбавляя от себя, словно монолги иногда, при случае, вспоминались. Хотелось к уроку, я тоже просматривал текст, а перед уроком в восьмом «Б» состоялся урок в восьмом

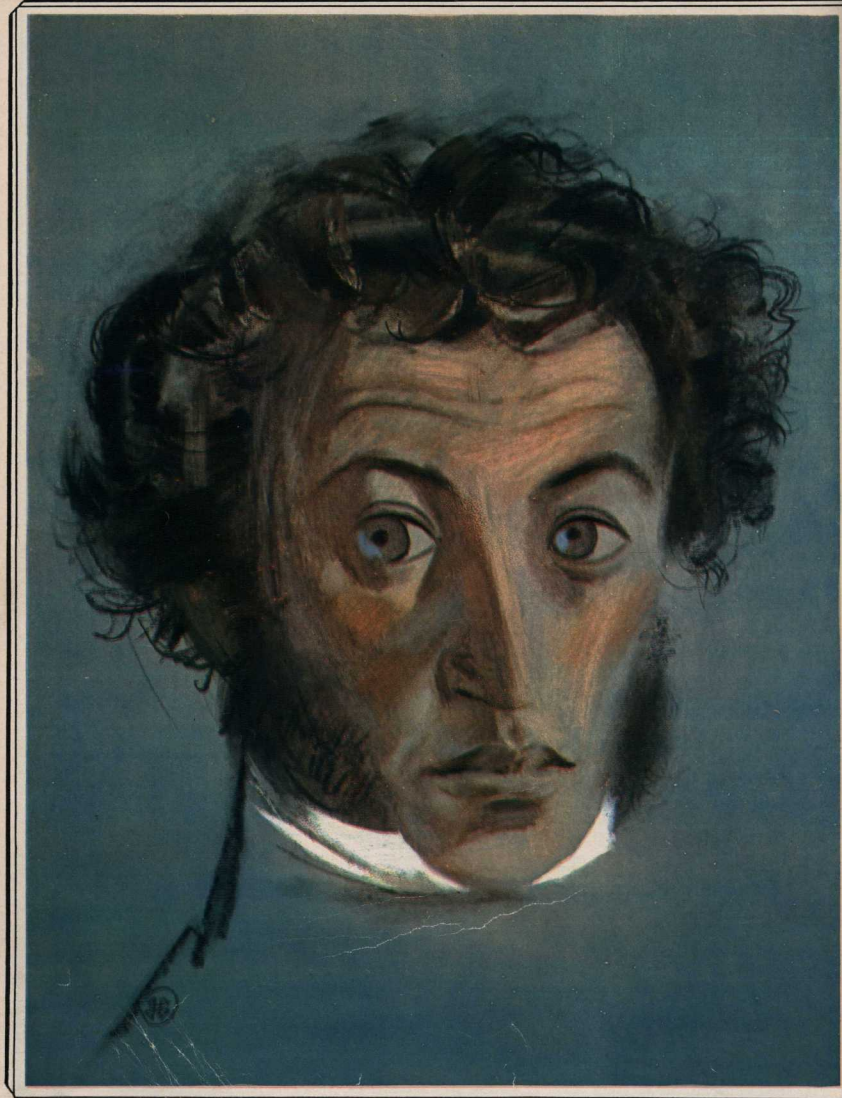

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ГЕОМЕТРИЯ НА ЛЬДУ
2. КТО ТАКАЯ ЖАННА Д'АРК!
3. ПЕВЕЦ НА ДВА ГОЛОСА
4. АНАЛИЗ КРОВИ ТУТАНХАМОНА
5. КОТ НА ЛОВЛЕ «СПУТНИКА»
6. МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО
7. КОНКУРЕНТ СЧЕТНОЙ МАШИНЫ
8. ТАКСА ПОСТАМБУЛЬСКИ
9. УМИЩА, ИГРАВШИЯ ПРОСТАКОВ
10. ПЛЫВУЩИЕ ОСТРОВА
11. КИЛОМЕТР ПРАЖСКОГО МЕТРО
12. ХВОСТАТОЕ ЧУДОВИЩЕ

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изменении.

1.
Этот снимок сделан в гигантском холодохранилище в кармском штатском Дюреде спорта. Даже в жаркие летние дни тренеры по фигурному катанию приходится сохранять свою униформу — теплые сапоги и меховые куртки. С весны этого года в таком одеянии регулярно появляется здесь и прославившаяся Габриэле Зеферт. «Я читала в газетках, что многие сошли меж новых занятия несколькими предпринимателями», — говорит Габри.— Но еще пять лет назад я твердо решила: как только оставлю активный спорт, тотчас же стану тренером. Фигурное катание — моя стихия, и кое-какой опыт в этой области у меня накоплен. Правда, работать с такими крохотными девочками очень тяжело. Но я всегда помню, с каким терпением и тактом занималась со мной — тоже не всегда понятной — мой мама.»

Габри катается на тренировках со своими ученицами столь же заиграно, как и раньше, на соревнованиях, хотя вместо изысканного льда на ней толстый свитер, хотя не звучит в зале музыка и трибуны пусты.

«Удивительно, что до сих пор я еще получаю массу писем от любителей фигурного катания, причем больше всего из Советского Союза и Польши. Каждый день мне приходит два десятка писем и открыток, чаще всего, конечно, с просьбами о фотографии. Приходится отвечать кратко, иначе времени и на работу не останется.» И вновь склоняется над фигурами, вычерченными на льду, тренер в ее ученице.

«ФОР ДИХТ», ГДР

DESEMBALE

2.
Французский историк Пьер де Сермуаз поднял вопрос в огонь долготелого спора о том, была ли Жанна д'Арк на самом деле элементарно Орлеанская дева — Жанна д'Арк — и действительно ли она была сожжена на костре 30 мая 1431 года. Пьер де Сермуаз утверждает, что из Руана, где состоялся процесс против «княжны Жанны», героиню освободительной войны против англичан тайно перевезли в область не оккупированные немцами. В своей книге «Тайное поручение Жанны» он стремится доказать, что Жанна д'Арк была не простой крестьянской девушкой из Лотарингии, а незаконной дочерью французской королевы Изабеллы и ее родственника, орлеанского герцога Людовика. 10 ноября 1407 года Изабелла родила девочку. Несколько дней спустя младенец Орлеанский был таинственным образом убит, и королева отдала новорожденную на воспитание в семью д'Арк. Свидетельство в пользу этой версии истории находится в том, что Жанна получила прекрасное образование, недоступное во времена средневековой крестьянской детины. Пьер де Сермуаз сообщает далее, что 13 июня 1439 года, то есть восемь лет спустя после предпологаемой даты смерти Орлеанской девы, город

Орлеан... устроил ей — живой! — пыльную встречу. Де Сермуаз приводит и документ, датированный 1439 годом, в котором сообщается о свадьбе рыцаря Робера де Армуаз и Жанны д'Арк, причем невеста именуется в брачном свидетельстве «Жанной Французской». В заключение истории утверждает, что Орлеанская дева скончалась естественной смертью в 1449 году в местечке Польлиан близ города Нанси и похоронена в таинственной пещере, что же касается рутанского процесса и сожжения на костре, пишет де Сермуаз, то там вместо Жанны д'Арк погибла другая женщина, обвинявшаяся в измене, названную, привели на шафот, старуху, на теле которой и тому же не было заметно многочисленных ран, полученных Жанной в боях с англичанами. Видимо, предположение вышедшего трибунала епископа Пьера де Сомерлепа предположил англичанам «замену невесты», чем они вполне удовлетворены.

Жанна Пьера де Сермуаз владела обширнейшей библиотекой в исторической науке. Оппоненты не заставят себя долго ждать.

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

3.

В западной части Монгольской Народной Республики широко распространены уникальные виды музыкального искусства — горлановое пение «хюмий». Оно поражает слушателя силой и красотой звука, издаваемого путем особого вибрация голосовых связок. Лучшим исполнителем может быть только на два голоса. Один из наиболее известных мастеров горланового пения, Ж. Сулуур, получил золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии.

«МОНГОЛИЯ»

4.

Группа ученых ОАП и их английских коллег исследовала мумии древнеегипетских фараонов в Национальном музее Каира. С помощью новейшей аппаратуры ученым удалось получить немало интересных данных о физиологии человека прошлой эпохи, о частоте, угловине, энергии и ритме колебаний фараонов Тутанхамона и Сменхера. Определенный групп ученых позволило подтвердить гипотезу историков о том, что в действительности Дресено Египта были братьями.

«ВНИ», ГДР

5.

В британской системе обороны появился новый шагор — кот по имени Скэт. Месяц за месяцем новейшая аппаратура социала

о неизвестном спутнике Земли, летавшем на высоте 60 тысяч километров. Специалисты обнаружили, но ближе над этой загадкой, пока не выяснилось: мышам пришла по вкусу изоляция кабелей в современной высокочувствительной аппаратуре спутников, они и вносили помехи. Скэт медленно наел проводок...

«ПАНЧ», АНГЛИЯ

6.

В субботу 18 ноября 1967 года, несмотря на холод и дождь, на обычно тихой лондонской улице Паслинг-стрит собралась толпа людей. Цель повзвизгивающих «оубов» с трумом наводила порядок перед домом № 10 — резиденция премьер-министра Великобритании. В тот день английское правительство собралось здесь для обсуждения одного лишь вопроса: что делать с суммом стерлингов.

На телефонной линии Нью-Йорк сменился Парком, Бонн Франком и Токио. Но британский кабинет искал самого главного звонка из Америки. Что скажут «шорюкские гномы»?

Они не сообщили ничего утешительного и не могли фигурировать на кризисе. В Швейцарии гномы, так в 1964 году назвал швейцарских банкиров английский банкир Браун, когда правительству Вильсона пришлось получить в Бирмингеме очередной кредит — три миллиарда долларов спиртами в доллар, и фунт, и Франк, и фунт. Так уже сложилось исторически, что еще несомненно веном называли Швейцарию стала европейским банкиром. Первый большой кризис валюты начался в Швейцарии в те годы, когда во Франции преобладали гугеноты. Сегодня в Швейцарии около 4 600 банков, на каждый приходится 1 300 жителей. Многие из них имеют в своем арсенале лубного врача. Предполагают, что напалит трех самых крупных английских банковских компаний около 40 миллиардов долларов в валюте гугеноты не сумму в два десятилетия.

Швейцарские финансисты любят подчеркивать, что они имеют дело только с «глобальными валютными капиталами». Это, разумеется, ложь, ибо их же девица — «корова» не пакует. Английский журналист Кьюно Кнебель, в свое время занимающийся проблемой гугенотского капитала, в свое время с банком гугенот, что в последние месяцы года наместники главаря тайно перевели в нейтральную Швейцарию огромные денежные суммы, принадлежавшие лангем, до пяти миллиардов долларов, в валюту секретных документов, насавшиеся возрождения фашистской партии. «Стороные лица» также оказались добрыми до тайных наместников выслал и документ, но безупречности.

Помимо богатства, награбленного гугенотами, подвданы швейцарского банка еще немало ценностей, похоронены кровью. Их выискивание было делом гугенот. (от Ватисы и Чомбе до

именных сабгонных маринаторов, боссы американской и итальянской мафии и т. д. В свое время лондонский газетчик «Санди таймс» иронично заметил, что все эти грязные деньги принадлежат совершенно благорыслитный вид человек, они им придут череду честнейших и абсолютно респектабельных банкиров. Да, последние деньги в этом мире не пахнут, а молчание — верный признак золота.

«УНЗЕРЕ ЦАНТ», ФРГ

7.

В городе Курте де Араджес живет 35-летний Бисе Сатару, который вызывает всеобщее восхищение своим необыкновенными умственными способностями. Недавно в присутствии жюри следствия он прошел проверку — производил уловения мыльных пузырей, причем делал это быстрее сестриной машины.

До недавнего времени Бисе Сатару был чабаном, а сейчас работает некавалитационным рабочим на деревообделочном комбинате.

«РУМБИНА»

8.

Если жителю Стамбула необходимо поехать на такси, он предварительно договаривается о цене с водителем, как некогда с извозчиком. Дело в том, что счетчики на легковых таксомоторах этого турецкого города были установлены еще в 1959 году. С тех пор жизнь в стране вздорножала на 75 процентов, и если теперь шофер получит от пассажира только по счетчику, то ему не хватит даже на бензин.

Поставить в машины новые таксометры? Теоретически, конечно, возможно, а вот практически из-за слабой ремонтной базы эта операция будет тянуться не менее полутора лет. «За это время цены на запчасти взлетят, и счетчики выйдут из строя...» — говорят стамбульские таксисты.

«ДОЮКА СВЯТА», ПОЛЬША

9.

Новость упала камнем в тот час, когда кончалась работа на заводах и в учреждениях. Первые слухи о разнице по Франции карманные трансисторы: в возрасте 53 лет умер человек, которого звали Бурвиаль. До сих пор это имя заставляло людей только улыбаться, теперь же все непременно произнесло одну и ту же фразу: «Это чудовищно!»

25 лет Бурвиаль все знал и любил. Благодаря радио, кино, телевидению, грампластинкам он вошел едва ли не в каждый дом и скромно усеял за семейным столом.

Удивительно, но факт: о частной жизни Бурвиаль никогда ничего не было известно, а ведь скандальная пресса всегда называет себе капитал именно на этой стороне жизни «звезд». Вот почему печаль его почитателей была особенно искренней.

Известен классический совет актера-дебютанта: «Хочешь играть пышною — не пей ни капли» — но никто еще не говорил кому-то: «Хочешь играть идно-

та — ведь себя узнаю!» А ведь именно это позволило Бурвиаль прославиться ролями протастов. Впрочем, Андре Гэмбуру, родившемуся в Нормандии незадолго до Бурвиаль, успевший поработать на ферме, в булочной и прочих местах, начала свою артистическую карьеру с обычных комических амплуа, преодолевая нелегкие к «смежачам», традиционное для французской провинции: ведь первым отыгрывал здесь в провинции жем «комедиям-там» — от Мольера до Эдита Пиаф.

Потом он пришел в кино. Как и Чаплин, он создал своего «маленького человечка», но придать ему простоту, великодушие. Бурвиаль сыграл в 50 фильмах, но ни разу его великие герои даже у самого неподготовленного зрителя не вызвали никаких чувств по отношению к актеру. От величарных ролей Бурвиаль всегда отказывался.

«ГОМАНТЕ-ДИНАМИШ», ФРАНЦИЯ

10.

У проекта подводного туннеля через Ла-Манш давно был соперник — проект аналогичного сооружения длиной в 59 км между японскими островами Хоккайдо и Хоккайдо. Однако недавно профессор Кадзима из университета в Осаке выступил с сенсационным заявлением, которое перечерчивает все планы подводного соединения Хоккайдо и Хоккайдо. По словам профессора Кадзима, Японские острова «плавают» — за столетия они перемещаются на несколько метров. Если Хоккайдо стремится в открытое море, то северная часть Хоккайдо, напротив, как бы прижимается к матерому. Так что гигантский под-

водный туннель был бы просто разорван, как тонкая резинка трубочка.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

11.

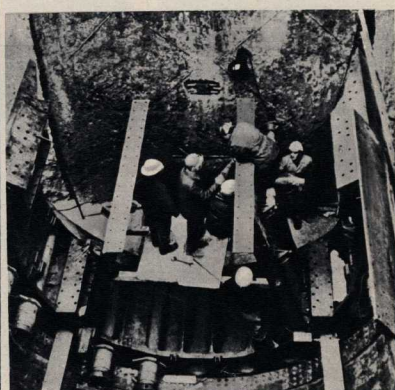
Тот, кто знаком с проблемами уличного движения в центре Златой Праги, может себе представить, с какой радостью жители чехословацкой столицы восприняли сообщение, что готовы первые 1100 метров туннеля пражского метро. Ведь именно это средство сообщения поможет весьма эффективно разгрузить город от транспорта. Лишь за последние три года в Прагу появилось 40 тысяч новых легковых автомобилей, и число их достигает сейчас 110 тысяч. В ближайшее время ожидается ежегодный прирост легкового автотранса на 15 тысяч, так что в 1980 году по улицам столицы должно курсировать более четверти миллиона машин. При наличии общественного транспорта — автобуса и трамвая — это количество машин в центре города уязвимым было бы просто невозможно справиться с таким потоком автомобилей.

Уже ввод в эксплуатацию первой очереди метро (линии С), наченной на 1 января 1974 года, позволит сократить сеть наземного общественного транспорта, а сдана линия А (1976 год) и линия В (1980 год) вообще уберет его из центра. В 2000 году автобусное движение останется только в пригородах. Общая длина линий метрополитена составит тогда 85 км (в 1980 году — 35 км).

В строительстве пражского метро участвует большая группа советских специалистов. Их богатейший опыт помогает нашим метростроителям преодолеть специфические трудности, связанные с историческим памятником в его центре.

На снимке: монтаж советского проходческого щита на Пянварском отрезке линии С.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

12.

В начале нынешнего года астрономы зафиксировали очередную комету, приближающуюся к Солнцу. Ее по имени первооткрывателя назвали кометой Беннета. На первый взгляд в ней не было ничего особенного. Решили все-таки подробно изучить гостя, используя американский орбитальный геофизический спутник OTO-5. На борту его французский профессор Жак Блаком установил астрофизический «глаз», чувствительный к далекому ультрафиолетовому лучам, которые полностью поглощаются атмосферой. Этот «глаз» находился на высоте пятисоткилометров и увидел, что хвостатое небесное тело обволакивает огромный водородный облаком протяженностью в 12—15 миллионов километров. Другими словами, внутри кометы Беннета уместится более тысячи Солнц.

Откуда у кометы такая неожиданно мощная атмосфера? Словно в ее ядре скрыто жерло газового вулкана, который бурно выбрасывает вещество близкой других крупных небесных тел. Но потому ли древние так боялись комет и считали их исчадиями ада, вставали и доисторическими катастроф? Это, наверное, не просто спешащиеся глупы, постепенно испаряющиеся в солнечных лучах. Иначе почему улетучивающийся водород давно бы расстался и рассеялся в космосе. Все дело, думается, в активности кометных «солнц». Они могут, например, взрываться или же всасывать все встречающиеся на пути. Разбухавшая комета, по описаниям хроник, простирается на полноба, господствует в мире светил. Огражденная, она уходит на периферию системы и, набравшись сил, снова бросается на приступ. После открытия космического водородного тела у кометы Беннета совсем недавние представления о третесорности хвостатых чудяк кажутся несколько двоякими.

«САЛЕНС ДИВНИИ», АНГЛИЯ

1. ГРОЗА

— Кто такой Калугин? — Мазин положил руку на дверцу машины. — Ты уверял, что в поселке полное безлюдье...

В полуметре от колеса «Волга» круто вниз уклонялась гранитная серо-розовая стенка, под ней пенялась, пробиваясь среди валунов, стиснутая ущельем, бутылочного цвета речка. Впереди прямо из скал росли пихты. Их острые ярко-зеленые верхушки перемежались с ледовыми вершинами хребта, кипельно сверкавшими на фоне почти фиолетового неба. Зато путь в долину преграждала черная, подернутая дымкой туча.

— В самом деле? Значит, упустил, старин, — произнес Сосновский сокрушенно.

— Выкладывай все, пока не поздно!

Борис Михайлович глянул в зеркальце на тучу.

— Пожалуй, поздно. Назад не проедешь. А Калугин — личность вполне почтенная. Москвич, известный художник, не чужд современных веяний в живописи. Богат и расточителен. Посему окружен людьми.

— Жарится шашлыки и дядько наплетет?

— Не буду отрицать того, что скрыть невозможно. Шашлыки у Калугина отменные. У него, понимаешь, своя метода приготовления. Вымачивает мясо в вине.

— Борис! За сколько времени отсюда можно выбраться пешком?

— Не дури, старина. Места здесь всем хватит. Не жалейшь кинизгаци, ставь палатку и голяй комаров, сколько душе угодно. Можешь махнуть через перевал. — Сосновский кивнул в сторону ледовой гряды. — А поостынешь, осточертеет величавое удивление, возвращайся в компанию художественной интеллигенции. Между прочим, Марина Калугина отлично едит верком...

Сосновского Мазин встретил случайно, на улице. С тех пор как они вместе работали в уголовном розыске, прошло десять лет. Борис защитил диссертацию, расплодился, то и дело вытирал височным платком капли пота, катившиеся по озагоревшей шее под воротами выглаженной рубашки.

— В такое лекаю спасение одно: горы. Не завидуй тебе — париться летом в городе!

Вторая часть повести будет опубликована в 1971 году.

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

ОТПУСК В ДАТСКАЯ ДАТСКАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рисунок
Александра
МЕНЩИКОВА

28 СМЕНА

— Задача! — произнес Мазин. — Интересно, что убийца предпримет дальше?

Рисунок Владимира БЛАНКМАНА

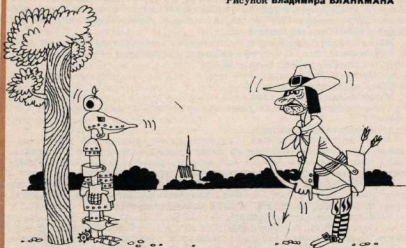

Рисунок Владимира ИВАНОВА

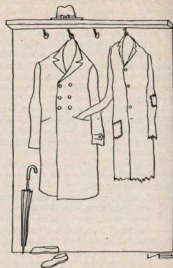

Рисунок Владимира СОЛДЯТОВА

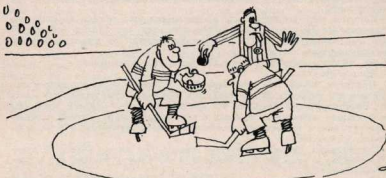
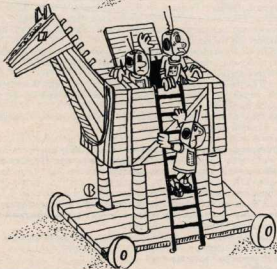

Рисунок Константина МОШКИНА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

АМЕРИКА, В КОТОРУЮ Я ВЕРЮ

Гарри АЙЗМАН

Для меня эти злочки — не просто коллегия. За каждой злыбкой я вижу много людей, которые шагают в колоннах демонстрации

у Пентагона или у армейских призывных пунктов, в ногу рабочих, которые пикируют бастующие фабрики, студентов, протестующих против полицейских расправ в «мелусах». Это значило — хроника борьбы прогрессивных американцев в наши дни. Но, глядя на коллекцию, я вспоминаю и далекие радужные годы, когда, будучи еще пионером, я получил пять лет тюрьмы за участие в демонстрации. Американские власти вынуждены были освободить меня досрочно благодаря протестам пионеров из разных стран, и я приехал в СССР, где живу с тех пор... Обратите внимание на три самые большие злуговиды

в подборке. На верхней — портрет Мартина Лютера Кинга, на средней — надпись «Женщины, боритесь за мир», на нижней — призыв «Мир во Вьетнаме». Три нагрудных эмблемы — символы трех бурлящих потоков в жизни сегодняшней Америки. Рядом — несколько значков, выпущенных участниками различных массовых акций [21 октября 1968 г., 14—15 ноября 1969 г., 15 апреля 1970 г.], во время которых англоамериканцев заперли в улицы и площади больших и малых городов США, требуя прекратить преступную войну в Индокитае, остановить полицейские репрессии, снизить налоги.

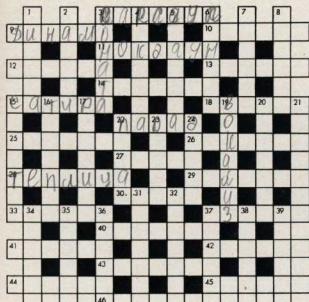
На 4-й обл. ▶

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/Х 1970 г. А 00189. Подписано в печ. 30/Х 1970 г. Формат бум. 70х108/8. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж — 1 160 000 экз. Изд. № 2307. Заказ № 2301. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24

КРОССВОРД

Составил И. КУПОВ, г. Рязань

По горизонтали:

3. Растение среднеазиатских пустынь. 9. Советское спортивное общество. 10. Метод научного исследования. 11. Половина в боксе. 12. Персонаж оперы И. А. Римского-Норсикова «Садко». 13. Песня Г. Поговаринко. 14. Дыгатель. 15. Произведение литературы обличительного содержания. 18. Промысловая морская рыба. 22. Торжественный смотр войск. 25. Теплое течение Тихого океана. 26. Озеро на о-ве Аляски. 27. Река в Тюменской области. 28. Помещение для выращивания растений. 29. Часть радиоаппарата. 30. Река, впадающая в Черное море. 33. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 37. Мясное или рыбное изделие. 40. Ялтинский порт на Охотском море. 41. Старинный город в Белоруссии. 42. Актёр Малого театра в XIX веке. 43. Населенный пункт на Дону и Кубани. 44. Поэма В. Маяковского. 45. Советский летчик-испытатель. 46. Город в Азербайджане.

По вертикали:

1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Повесть Л. Н. Толстого. 3. Музыкальное произведение. 4. Значок на форменном головном уборе. 5. Животное семейства дельфиновых. 6. Химический элемент. 7. Овцы из псевдонимов В. И. Ленина. 8. Разговор между несомными людьми. 15. Музыкальный ансамбль. 16. Город в Калининской области. 17. Рефлексная кллада или обличительная стенка камня. 18. Небольшое архаичное произведение. 20. Вызначатель смеси. 21. Декоративное травянистое растение. 22. Торгово-ремесленный пригород в Древней Руси. 23. Французский писатель эпохи Возрождения. 24. Десятичная единица Югославии. 31. Река в Северной Америке. 32. Основание, повод для действия. 34. Знатный забойщик, один из инициаторов стачконого движения в Донбассе. 35. Разновидность атома химического элемента. 36. Остров в Эгейском море. 37. Древнерусское огнестрельное оружие. 38. Город в Венгрии. 39. Народный художник СССР, график.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Мушкетер. 8. Луизиана. 9. Уланов. 10. Редукс. 11. Серезья. 12. Нейгауз. 13. Шабо. 16. Вальсе. 19. Давидов. 21. Мандрин. 22. Уборка. 25. Волк. 28. Пранс. 30. Оубоука. 31. Трелле. 33. Мадлер. 34. «Ведунта». 35. «Индянка». 36. Чубук.

По вертикали:

1. Кулиева. 2. Андриан. 3. Чарльз. 4. «Дурд». 5. Мукина. 6. Жалеяна. 7. Синицу. 14. Арамханто. 15. «Бурелюк». 17. Лышко. 18. Сквар. 19. Лавас. 20. Сталь. 23. Бобслей. 24. Тромбон. 26. Олеандр. 27. Гиссини. 28. Вальска. 29. «Старик». 32. «Клеба».

В ускоренном темпе.

РЫБАЦКИЙ ХЛЕБ

Слова Анатолия ГОРЮШКИНА
Музыка Виктора КУПРЕВИЧА

Рыбачий поселок. Солёный песок.
На завад уходи, идем на восток.
За рыбой пугливой, за счастьем морским,
За счастьем рыбацким, мома и твоим,
мома и твоим.

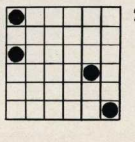
Мы хлеб разломали — он сладок на вкус.
В нем берег далекий и матеря грусть.
Он дымок пропитан. Он пахнет травой,
Он пахнет травой, и свежей листвою,
и свежей листвою.

Рыбачий поселок остался во тьме.
Так сладко качает на первой волне.
И хлеб наш рыбацкий туманом пропах,
И туманом пропах, за счастьем морским.
Он крошится в ножках и грубых руках,
и грубых руках.

Рыбачий поселок. Солёный песок.
На завад уходи, идем на восток.
За рыбой пугливой, за счастьем морским,
За счастьем рыбацким, мома и твоим,
мома и твоим.

На рисунке четыре иррегулярные, дорисуйте их так, чтобы в каждой горизонтальной и вертикальной ряду было по два иррегулярника.

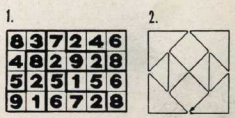
1.

2. С борта привартованного иррегулярника санкиют сходки из двенадцати ступенек, расстояние между которыми 20 сантиметров. Во время прилива уровень воды поднимается в час. Сколько ступенек останется над водой, если прилив будет продолжаться полтора часа?

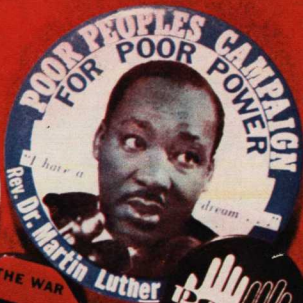
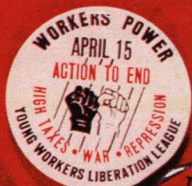

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 21

АМЕРИКА, В КОТОРУЮ Я ВЕРЮ

С 32-й стр.

Слева сверху — небольшой значок лозунг, марксистско-ленинской организации американской молодежи — Союз молодых рабочих за освобождение. Здесь тоник требования: остановить войну, преследования, рост налогов и тут же гордый призыв: «Власть — рабочим». Сиятые кулак, черным и белым, символизируют единство американцев разного цвета кожи в борьбе с общим врагом — капитализмом. Квадратный значок справа (надпись «Ветераны за мир» на фоне звезды полусогнутого флага) принадлежит организации тех солдат и офицеров, которые своими глазами увидели чудовищную преступность американской агрессии в Юго-Восточной Азии. К этим людям, хотя и с запозданием, пришла горькое раскаяние, и они во весь голос говорят о местной деревушке Сонгхи, о вытравленных партизанах, брошенных в стальные клетки, о всех бесчисленных злодеяниях американцев в военной форме. Значок, расположенный чуть ниже, — символическое соседство. Он словно программа, краткая и бескомпромиссная. Дупло автомата — в зеву, каску — на приклад, и всего два слова: «Вон из-заднем!» Люди, надвигавшие в Америке все эти значки, не спрашивают об их цене: каждый даст сколько сможет, крепче фонд солидарности. Люди, надвигавшие эти значки, идут в бой за мирную и демократическую Америку.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820